

история / география / этнография

Вадим Эрлихман

Английские короли

Ломоносовъ
издательство

История. География. Этнография

Вадим Эрлихман
Английские короли

Издательство «Ломоносовъ»

2015

УДК 94(420)
ББК 63.3(0)4-6

Эрлихман В. В.

Английские короли / В. В. Эрлихман — Издательство
«Ломоносовъ», 2015 — (История. География. Этнография)

Английская монархия существует уже много столетий, пережив и промышленное могущество, и ее колониальное величие, короли и грозные войны, и шумные скандалы. Среди английских королей и королев были умершие в детстве и дожившие до глубокой старости. Были великие и ничтожные, святые и грешники, отважные и малодушные, умные и не совсем. Были англосаксы и датчане, французы и немцы. Объединяет их только одно — все они правили на английской земле, невероятно богатой всевозможными традициями и преданиями, и сами становились героями этих преданий. Книга историка Вадима Эрлихмана рисует портреты двенадцати английских монархов, наиболее рельефно представляющих свою эпоху, — от легендарного Артура до ныне царствующей Елизаветы II. Автор повествует об их разнообразных деяниях, личной жизни, вкусах, привычках, увлечениях и попутно рассказывает немало интересного о других правителях Англии и, разумеется, о насыщенной событиями истории Британских островов.

УДК 94(420)
ББК 63.3(0)4-6

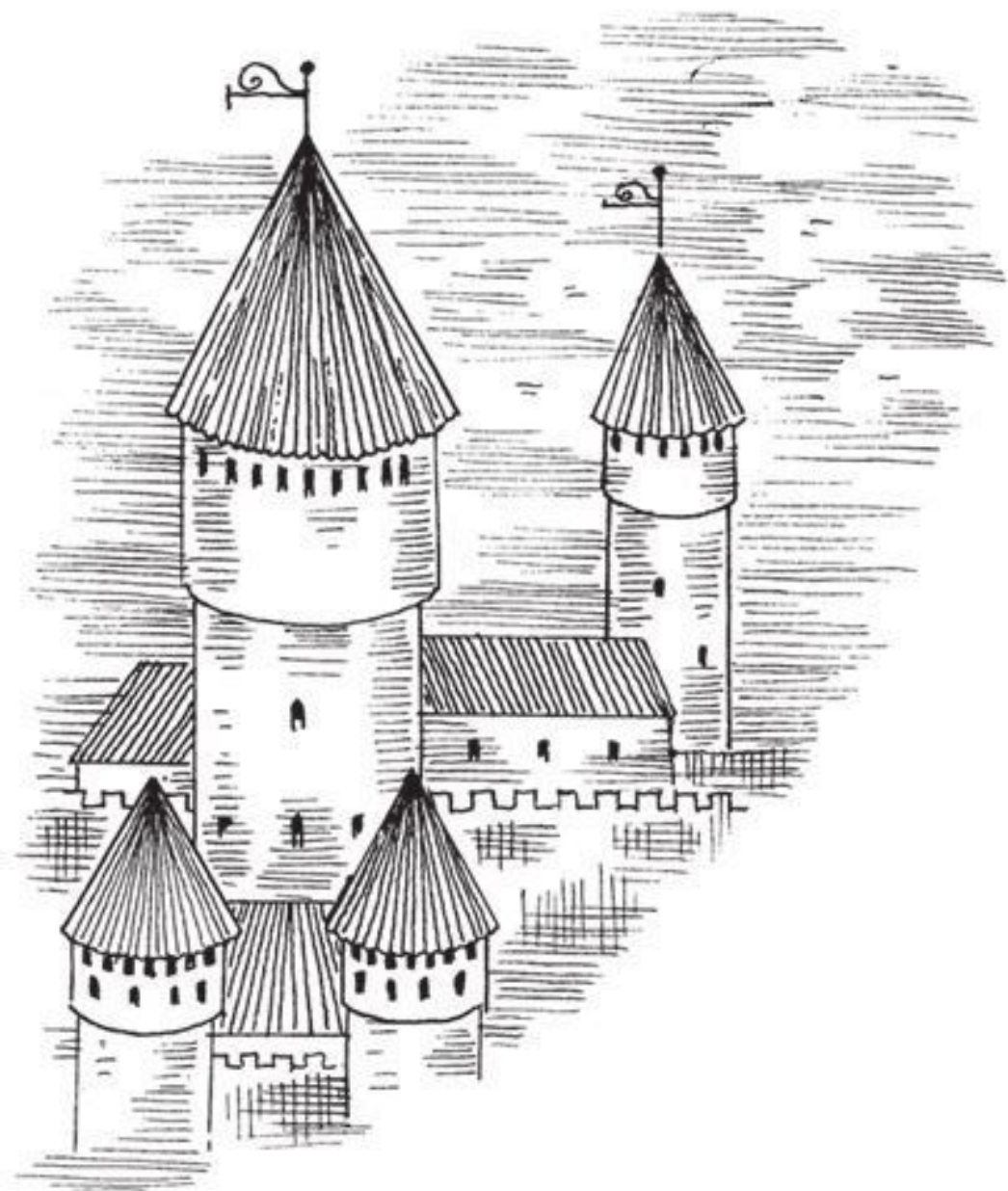
© Эрлихман В. В., 2015
© Издательство
«Ломоносовъ», 2015

Содержание

Предисловие	5
Вдохновитель. Артур	7
Основатель. Альфред Великий	23
Завоеватель. Вильгельм I	38
Объединитель. Генрих II Плантагенет	59
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Вадим Эрлихман Английские короли

Предисловие

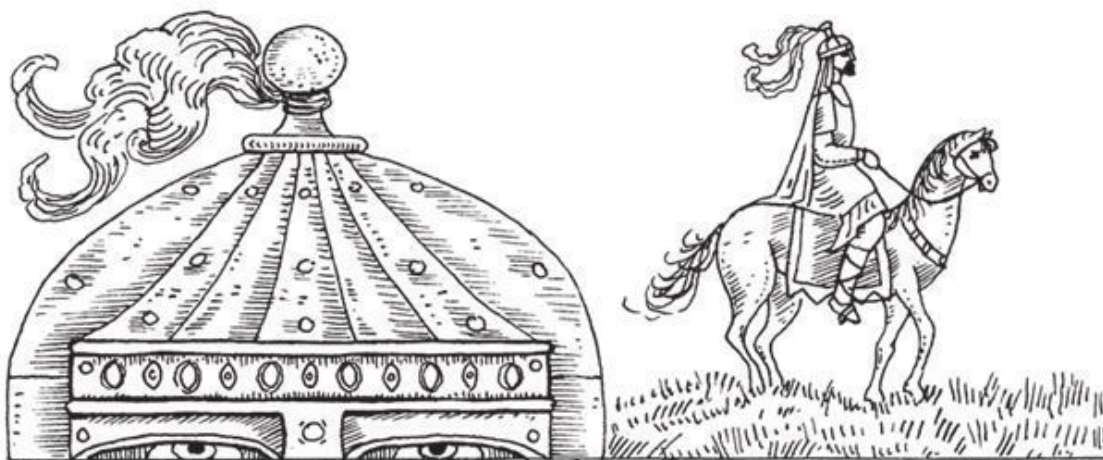
Королевская власть в Англии имеет давнюю историю и почтенные традиции. Первым известным по имени правителем этой страны был вождь бриттов Кассивеллаун, сражавшийся с Цезарем в 55 году до нашей эры. С тех пор на Британские острова волна за волной накатывали волны завоевателей – римляне, ирландцы, англосаксы, скандинавские викинги и, наконец, франко-нормандцы. Все они приносили с собой свои традиции и культурные влияния, сплав которых и образовал то неповторимое целое, которое ныне зовется Великобританией. Единое королевство возникло в Англии еще в IX веке, при королях Уэссекской

династии, но классический феодальный облик оно обрело только после нормандского завоевания в 1066 году. Пережив столетия внешних и внутренних войн, мятежей, переворотов и казней, английская монархия научилась находить общий язык с разными политическими силами, уважать мнение подданных всех сословий и всех наций. Средством диалога короля и общества, а потом и контроля общества над королевской властью стал парламент, возникший в XIII веке.

Сломив могущество феодальной знати, английская монархия при Генрихе VIII возглавила Реформацию, покончив с еще одним могущественным соперником – католической церковью. Консолидация власти сделала возможными расцвет экономики и культуры при Елизавете I и создание могучей колониальной империи. Однако короли «проглядели» новую угрозу своему влиянию в лице буржуазии. «Великое восстание» XVII века и последовавшая за ним «Славная революция» навсегда покончили с ведущей ролью королевской власти. Тем не менее монархия была и остается в современной многоликой Британии напоминанием о славном прошлом, предметом национальной гордости, объединяющим фактором. Она пережила и промышленное могущество страны, и ее колониальное величие, и грозные войны, и шумные скандалы. Несмотря на возникающие время от времени разговоры об отмене королевского титула, о дороговизне и «несовременности» монархии, большинство англичан выступают за сохранение существующего строя и гордятся великими страницами своего прошлого, не забывая и о его темных сторонах. За столетия в Англии царствовали шестьдесят королей. Среди них были умершие в детстве, вроде Эдуарда VI, и дожившие до глубокой старости, как королева Виктория. Были великие и ничтожные, святые и грешники. Были англосаксы и датчане, французы и немцы. Объединяет их только одно – все они правили на английской земле, невероятно богатой всевозможными традициями и преданиями, и сами становились героями этих преданий. Прошлое Англии продолжает хранить свои сокровища не только для историков, но и для писателей, художников, исследователей фольклора. Достаточно вспомнить романы Вальтера Скотта, Бульвер-Литтона, Стивенсона, рассказы Киплинга, поэмы Теннисона.

Эта книга – не роман. Это основанные на документальных источниках портреты двенадцати английских королей и королев, наиболее рельефно представлявших свою эпоху. О некоторых из них рассказывается более подробно, чем о тех, чья деятельность уже освещена в трудах, вышедших на русском языке, – именно этим объясняется краткость очерков о Генрихе VIII, Елизавете I, Виктории. Еще более кратко в книге говорится о правлении всех прочих монархов, начиная с объединителя страны – Эгберта Уэссекского. В конце приводятся дополнительные справочные материалы, включая перечень королей и список литературы для желающих продолжить знакомство с историей Англии.

Вдохновитель. Артур

В истории британской монархии много славных имен. Однако самым известным (кроме, пожалуй, Елизаветы I и ее тезки, ныне царствующей Елизаветы II) является король, которого, быть может, никогда не существовало. Имя его – Артур, *Arthurus Rex*, Король прошлого и грядущего. Его туманная полумифическая фигура возвышается у самых истоков английского государства, на рубеже Античности и Темных веков.

Много столетий об Артуре не было известно практически ничего. Только в легендах бриттов, оттесненных завоевателями-англосаксами на окраины острова, сохранялись воспоминания о могучем и храбром воине, защищавшем Британию в незапамятные времена. Впервые его имя встречается в поэме «Гододдин», сочиненной знаменитым бардом Анейрином в самом начале VII века. Там говорится, что некий воин храбро сражался с саксами, «хоть и не был Артуром». Значит, в ту пору имя Артура уже было широко известно. В IX веке о нем упоминает историк Ненний в своей «Истории бриттов», называя Артура «военачальником» (*dux bellorum*), который совместно с королями бриттов сражался с саксами и одержал над ними двенадцать побед. Примерно то же говорят составленные в X веке в Уэльсе «Анналы Камбрии», но в них Артур впервые вписывается в хронологический контекст – говорится, что в 516 году он разгромил саксов при Бадоне, а в 537 году пал в битве со своим племянником Медраудом или Мордредом.

После этого Артур окончательно переходит из реальности в легенду. Завоевание Англии франко-нормандцами в 1066 году оживило надежды бриттов на возвращение их бывшего величия и породило новые легенды о могучем короле Артуре. Эти легенды были подхвачены завоевателями, которые всячески подчеркивали свою связь с досаксонским прошлым Британии. По обе стороны Ла-Манша началось сотворение преданий об Артуре, в контекст которых постепенно вписалось большинство фольклорных сюжетов и остатков языческих верований. Артур в этих преданиях представал идеальным монархом, основателем братства Круглого стола – первого рыцарского ордена. Вплоть до XV века, когда появился монументальный роман Томаса Мэлори «Смерть Артура», артуровские легенды формировали мировоззрение правящего сословия во многих странах Европы. Особенно велика была их роль в Англии, где они легли в основу зарождающейся национальной идеи.

Главную роль в складывании мифа об Артуре как основателе английской монархии сыграл епископ Сент-Асафа Гальфрид Монмутский. Этот ученый клирик, валлиец по происхождению, создал в XII веке «Историю королей Британии», описав в ней историю леген-

дарных британских королей от троянского царевича Брута (Бритта) до Артура. Последний изображался как могучий монарх, подчинивший себе половину Европы и коронованный в Риме императорской короной. Красочно написанное сочинение Гальфрида имело большой успех в Уэльсе, где примерно в то же время сложился сборник преданий под названием «Мабиногион». Его составители охотно пересказывали легенды об императоре Артуре и его верных рыцарях, украшая их новыми подробностями. Не меньшей популярностью пользовалась «История» и при английском дворе. Начался поиск реликвий, связанных с именем Артура. В монастыре Гластонбери в 1191 году была чудесным образом открыта могила короля и его жены Гвиневеры, а позже в Винчестере отыскался и легендарный Круглый стол.

Правда, в подлинность этих находок и тогда верили далеко не все, но это не мешало английским монархам охотно поддерживать артуровский культ. Еще во времена Генриха VIII при дворе устраивались романтические турниры, участники которых называли себя именами рыцарей Артура.

Позже интерес к королю снизился, а ученые скептики начали сомневаться в самом его существовании. По мере того как раскопки и изучение письменных источников открывали картину древнего прошлого Англии, становилось все яснее – в нем нет места для великого императора с роскошным двором и многочисленным войском. Возможно, это был мелкий военный вождь, барды которого больше других преуспели в прославлении своего господина. Может быть, в его имени сохранилась память о каком-то кельтском божестве, например богемедведе – ведь *arthur* на языке бриттов означает «медведь». А может, никакого Артура вовсе не было. На этом и сошлось большинство ученых. Между тем в Викторианскую эпоху популярность легендарного монарха снова стала расти. Бегущие от унылой реальности «железного века» поэты и художники все чаще обращались к далеким романтическим временам, пытаясь разглядеть сквозь туман манящую фигуру Короля прошлого и грядущего. Это продолжается и по сей день – не проходит и года, чтобы Артур не появился в очередном голливудском боевике или приключенческом романе.

Так кем же на самом деле был король Артур – если, конечно, он был? Сегодня большинство спорящих между собой историков сходятся в двух вещах. Во-первых, Артур или человек, называвший себя этим именем, все-таки жил в Британии в конце V – начале VI века. Во-вторых, он не совершал всего того, что приписывали ему легенды, – не сражался с великанами и драконами, не объединял остров, не ходил походом на Рим. Почему же тогда его подвиги так запомнились бриттам, у которых в то время хватало и других храбрых вождей? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо знать, в каком положении находились Британские острова в период между концом Античности и началом Темных веков.

В IV веке христианской эры Римская империя трещала по швам под ударами варваров. Положение усугубляли местные военачальники, которые, пользуясь ослаблением центральной власти, то и дело восставали и объявляли себя императорами. Один из таких «калифов на час», испанец Максим Магн, захватил власть в Британии и увел оттуда в поход на Рим войска, защищавшие остров. С ним отправилось и ополчение бриттов, которых узурпатор привлек на свою сторону, женившись на дочери местного вождя. Никто из них не вернулся – в 388 году войско Максима было разбито под Аквилеей другим претендентом на трон, Валентинианом III. Остров остался без защиты, чем немедленно воспользовались ирландские и пиктские пираты. С моря и суши они почти ежегодно совершали набеги на берега Британии, жители которой привыкли жить под защитой римлян и совсем разучились сражаться. Впечатляющую картину того времени оставил нам живший немного позже историк Гильдас Мудрый: «Враги разрывали несчастных на куски, как дикие звери ягнят; жители бежали из своих домов, бросив имущество, и в попытках спастись от голода воровали скудные припасы друг у друга, усугубив пришедшие извне бедствия междоусобной смутой».

Смуты действительно имели место: кельтские вожди, лишив власти римских чиновников, принялись бороться за власть друг с другом. В первую очередь от Рима отпали северные земли, где в конце IV века возникли три враждующих между собой королевства – Гододдин (нынешний Лотиан), Эвраук (Йоркшир) и Камбрия (Стрэтклайд). Их правители носили римские имена – Клементий, Тацит, Патерн – и были потомками романизированных британских родов. Еще раньше в Уэльсе высадились ирландские пираты, которые оттеснили в горы местные племена ордовиков и силуров и создали свои королевства. Однако их век оказался недолгим – около 400 года на севере Уэльса появился бриттский принц Кунедда, который, сплотив вокруг себя вождей бриттов, изгнал ирландцев и основал королевство Гвинедд. Чуть позже потомки Кунедды захватили Центральный Уэльс, изгнав оттуда племя корнубиев, которые откочевали на юг и создали там королевство под названием Корнубия, или Корнуолл.

Тем временем в Южной Англии еще держалась римская власть, время от времени наносившая чувствительные удары по ирландским и пиктским пиратам. В 405 году здесь началась очередная смута, в ходе которой были один за другим провозглашены, а затем убиты три императора. Только через три года военачальник Геронтий сумел восстановить центральную власть, но уже в 410 году из Рима пришел указ об окончательном выводе из Британии имперских войск. Жители острова – римляне и бритты – были вынуждены взять на себя дело собственной защиты, но справлялись с ним крайне плохо. Не однажды они обращались за помощью к Риму – в последний раз, по сведениям Гильдаса, это произошло в 446 году, – но у гибнущей империи уже не было ни сил, ни желания помогать своим бывшим подданным.

После ухода римлян общины Логрии (Юго-Восточной Англии) объединились и избрали правителя; по некоторым данным, это был Констант или Константин, сын одного из прежних узурпаторов. Спустя некоторое время его сменил Вортигерн, правивший прежде в городе Глостере. Он держался у власти немало лет, искусно стравливая между собой своих врагов – ирландцев, пиктов и бриттских вождей. Когда эта тактика перестала приносить плоды, Вортигерн решил пригласить в Британию германские племена англов и саксов, которые казались ему менее опасными, чем ирландцы. Это событие «Англосаксонские хроники» относят к 449 году, хотя англы и саксы селились на острове и прежде. Пришельцев возглавляли братья Хенгист и Хорза; они сумели отбить натиск ирландских пиратов, за что Вортигерн пожаловал им земли у моря. Вскоре туда начало прибывать множество германцев, которым уже не хватало ни места, ни выделенных королем съестных припасов. Недолго думая, поселенцы восстали и основали на захваченных землях королевство Кент.

Привычные к войне англосаксы легко разбили ополчение бриттов и опустошили чуть ли не всю Логрию. «Печальное зрелище! – восклицал Гильдас. – Повсюду на улицах, среди камней поверженных башен, стен и святых алтарей лежали тела, покрытые запекшейся красной кровью, словно их раздавил некий чудовищный пресс, и не было для них иных гробниц, кроме развалин домов или внутренностей диких зверей и птиц небесных... Иные из несчастных, – продолжал он, – были загнаны в горы и безжалостно вырезаны. Другие, изможденные голодом, вышли и покорились врагу, готовые принять вечное рабство за кусок хлеба, если только их не убивали на месте. Некоторые отправлялись за море, громко сетуя... Другие остались на своей земле и, охваченные страхом, вверили свои жизни высоким холмам, укрепленным и неприступным, густым лесам и приморским скалам».

Описанное Гильдасом разорение коснулось лишь юго-восточной, наиболее населенной и культурной части острова, которая прежде пребывала в относительной безопасности. Многие жители действительно бежали за море, в Арморику, нынешнюю Бретань, где возникло независимое кельтское королевство. Другие попытались сплотиться и дать отпор захватчикам. Сначала их возглавил сын Вортигерна Вортимер, но вскоре этот храбрый юноша был отравлен завистниками. Сам король, которого Гильдас именовал «гордым тира-

ном», по-прежнему пытался договориться с англосаксами. Примерно в 463 году сторонники решительных действий подняли восстание и сожгли Вортигерна в его собственном дворце. Его наследником стал Аврелий Амброзий, римлянин по происхождению и родственник прежнего короля Константа.

Заметим, что все эти события отражены в источниках того времени очень скупо. Их приходится восстанавливать по данным артуровских легенд, которые, конечно же, нельзя считать достоверными. Поэтому многие имена и факты могут не соответствовать истине, но общее развитие событий не подлежит сомнению: с середины V века жители Британии с переменным успехом воевали против англосаксов. Об этом говорят найденные археологами остатки сторевших укреплений, оружия и доспехов, а также фольклорные описания битв и оплакивания павших героев. Раскопки помогли проследить, как поселения англосаксов постепенно распространялись из Кента в другие районы Англии. Захватчики называли местных жителей «валлийцами» от древнегерманского слова *walha* (римлянин). Для них «римлянами» были все, кто жил в городах, брил бороды, мылся в банях. Сами пришельцы пока не знали этих достижений цивилизации, что давало лишний повод для вражды. Большинство бриттов к тому времени были христианами, в то время как пришельцы еще долго оставались язычниками, а их вожди возводили свои родословные к верховному богу Водену (Одину).

Вскоре кроме Кента на захваченных землях образовались и другие государства англосаксов. В 477 году на юге Англии высадились саксы, и их король Элла основал королевство Сассекс. В 488 году умер основатель Кента Хенгист, и королем стал его сын Эоза, или Эск. Пришельцы принадлежали к разным племенам; здесь были саксы из Северной Германии, англй из Южной Дании, юты из Северной Дании (Ютландии), а также фризы и другие германцы. На новых землях они селились чересполосно и уже через несколько поколений смешались между собой. Чаще всего они называли себя англами, и это название позже закрепилось в новом имени покоренного ими острова. Кельты же предпочитали именовать их саксами, и этим словом до сих пор называют англичан валлийцы (*saesneg*) и ирландцы (*sassanach*). А вот слово «англосаксы» было придумано уже в Новое время английскими учеными.

Новый король бриттов Амброзий понемногу наращивал силы, нанося завоевателям серьезные поражения. Гильдас писал: «Побеждали то бритты, то их враги, чтобы Господь по своей воле мог испытать этот народ, как новый Израиль. Так продолжалось до года битвы у горы Бадон, где нечестивые полчища были окончательно разбиты. Случилось это, как мне ведомо, сорок четыре года и один месяц назад, и это был также год моего рождения». Сочинение Гильдаса, по мнению историков, написано около 540 года, следовательно, знаменитая битва произошла около 496 года. Правда, другой древний историк – Беда Достопочтенный – пишет, что битва случилась спустя сорок четыре года после прибытия англосаксов, то есть в 493 году. В свою очередь, валлийские анналы относят битву к 516 году. Во всяком случае, несомненно, что победа при Бадоне дала бриттам длительную мирную передышку – на протяжении полувека археологи почти не фиксируют новых поселений германцев, а «Англосаксонские хроники» ничего не сообщают о победах саксов.

Кто же возглавлял войска бриттов при Бадоне? По одной из версий, это был король Аврелий Амброзий, но это маловероятно – если он действительно был римлянином и сыном Константа, то родился в начале V века и вряд ли мог дожить до сражения. Некоторые историки признают наличие двух Амброзиев – отца и сына, но это лишь частично решает проблему. Источники, упоминающие имя Амброзия (по-валлийски Эмрис Вледиг), молчат об обстоятельствах его гибели. Возможно, свет на них проливают сообщения галльских хроник о некоем короле бриттов Риотаме, который в 468 году прибыл в долину Луары, чтобы спасти Галлию от завоевания вестготов. Ему удалось отбить натиск варваров, но в 470 году он был разбит и нашел убежище в Бургундии. О дальнейшей судьбе Риотама ничего не известно,

но вряд ли ему удалось вернуться в Британию. Его имя явно происходит от бриттского *Rigotamus*, что означает «верховный вождь» и может быть титулом или прозвищем Амброзия, который отправился на помощь римским соотечественникам и оставил свои владения без короля. Ничего не знавший об этом Гальфрид Монмутский придумал версию, согласно которой Амброзий был коварно отравлен саксами.

Обычно считается, что после Амброзия королем Логрии стал его брат Утер Пендрагон, который и был отцом Артура. Однако самые ранние источники – Гильдас, Ненний, «Анналы Камбрии» – ничего не говорят об этом Утере. К тому же его имя по-валлийски означает «ужасная голова дракона» и, скорее всего, является прозвищем или титулом какого-то правителя – то ли Амброзия, то ли самого Артура. Порой высказывалось мнение, что Артур был сыном Амброзия, но вряд ли традиция оставила бы без внимания столь знаменательный факт. Вероятно, Артур вообще не имел отношения к прежнему правящему роду, но этот факт позже постарались скрыть, чтобы представить его потомком непрерывной линии британских королей, восходящей к Бруту Троянскому.

Как бы то ни было, артуровский эпос достаточно подробно описывает правление Утера. Продолжая политику Амброзия, он пытался сплотить против саксов властителей Британии, вступая с одними из них в союз, а других подчиняя силой. Среди последних был правитель Корнуолла, которого романы называют «герцогом Горлойсом». Возможно, это был Герайнт или Геронтий, правивший этой областью в конце V века. По легенде, встретившись с ним для заключения мира, Утер влюбился в его жену Игрейну (Эйгр), но она оставалась верна супругу. Тогда придворный чародей Утера Мерлин предложил королю помощь при условии, что мальчик, который родится от него и Игрейны, будет отдан на воспитание волшебнику. Фигура Мерлина – одна из самых загадочных в артуровских преданиях. История знает Мерлина или Мирддина Безумного – придворного барда северобританского короля Гвенддолеу, который после гибели своего покровителя в битве бежал в лес и много лет скитался там, декламируя стихи птицам и диким кабанам. Битва при Ардеридде, в которой погиб Гвенддолеу, произошла в 573 году, поэтому Мерлин никак не мог пребывать при дворе Утера или Амброзия, живших почти на сто лет раньше. В валлийских легендах Мерлин носит имя Мирддин Эмрис и считается незаконным сыном Амброзия, то есть старшим братом Артура. Еще один Мирддин упоминается в обрывках кельтских языческих преданий – там это бог-сокол, покровитель поэтического искусства. Вероятно, его имя присваивали себе барды и чародеи, претендующие на обладание божественным даром. Легенды считают Мирддина Эмриса христианином, но в этом случае он вряд ли взял бы себе имя языческого божества. Более вероятно, что он унаследовал традиции древних друидических школ, доживавших свой век в отдаленных районах Британии. Этим можно объяснить и тот факт, что Мерлина считали могущественным волшебником, лекарем и провидцем – ведь друидам приписывали все три этих качества.

Мерлин колдовством придал Утеру облик Горлойса, после чего тот проник в осажденный замок Тинтагил, где находилась герцогиня, и провел с ней ночь. В тот же день Горлойс погиб при неудачной вылазке, а Утер женился на его вдове. Спустя девять месяцев у Игрейны родился сын, названный Артуром. К тому времени у Игрейны уже были три дочери – Моргауза, Моргана и Элейна (Елена). У Горлойса имелся еще сын от первого брака – Кадор, ставший правителем Корнуолла после смерти отца. Власть Утера была не очень-то прочной – эпос сообщает, что маленькому Артуру грозила опасность погибнуть от рук претендентов на трон. Королю пришлось срочно отослать его на воспитание то ли к Мерлину, то ли к барону Эктору Уэльскому. У последнего был сын Кей (Кай), ставший названным братом Артура и одним из его верных соратников. Кельтские вожди издавна отдавали своих сыновей на воспитание в другой клан. Это делалось, чтобы наладить отношения с соседями и избежать войн с ними – ведь в случае конфликта знатные воспитанники автоматически превра-

щались в заложников. Отдавая сына на воспитание в Уэльс, Утер, возможно, пытался укрепить союз с этой горной областью, воинственные жители которой не желали подчиняться Логрии.

Когда Артуру исполнилось семь лет, его отец умер или был отравлен. Никто не знал, где находится законный наследник, и в стране началась смута. Представители знати съехались в Лондон на совет, на котором каждый надеялся быть избранным королем. Однако епископ Лондонский по настоянию все того же Мерлина предъявил собравшимся глубоко погруженный в камень меч, который законному претенденту предстояло извлечь наружу. Сделать этого никто не смог, и корона осталась на хранении у епископа. Только десять лет спустя Артур вместе со своим воспитателем явился на турнир и случайно вытащил меч из камня, после чего был признан королем и торжественно коронован. Конечно, это предание – всего лишь популярный сказочный сюжет, но оно, как и большинство источников, зафиксировало тот факт, что Артур пришел к власти в возрасте 16 или 17 лет. Когда это случилось, сказать очень трудно – в зыбкой хронологии того времени ни одну из дат нельзя установить с достаточной точностью.

Предположим, что Артур действительно возглавлял бриттов при Бадоне, а сама эта битва состоялась в 490-е годы, как утверждают Гильдас и Беда. «История бриттов» Ненния называет сражение при Бадоне двенадцатой и последней битвой Артура, однако все остальные источники, напротив, утверждают, что это была первая битва молодого короля, в которой он стяжал славу. Это косвенно подтверждается тем фактом, что места остальных битв, перечисленные Неннием, находятся на севере и западе Англии, где саксов в то время не было. Очевидно, там Артур сражался с непокорными британскими правителями, что он мог сделать, лишь устранив на время саксонскую угрозу. Большинство источников считают, что в год прихода к власти ему было от 15 до 25 лет, а Гальфрид утверждает, что и битву при Бадоне король встретил пятнадцатилетним. Таким образом, Артур родился около 480 года и дожил почти до шестидесяти лет – по тем временам весьма почтенный возраст.

«Англосаксонские хроники» обходят молчанием весь этот период, включая битву при Бадоне, и это понятно – завоевателям не хотелось вспоминать о своем поражении. Настояживает то, что в хрониках встречаются явные подтасовки – например, высадка в Англии основателей королевства Уэссекс Кердика и его сына Кинрика упоминается дважды – в 495 и 514 годах. Возможно, появление саксов в Уэссексе действительно относится к 495 году, после чего случилось какое-то событие, скрытое летописцем, но надолго отдалившее окончательное завоевание южного побережья. После 491 года хроники ничего не сообщают и о правящем роде Сассекса; возникает впечатление, что это королевство просто исчезло минимум на полвека. Такой же полувековой провал отмечен в истории Кента.

Все это заставляет думать, что решающее сражение, остановившее натиск англосаксов, произошло именно в 496 году. О месте его историки тоже спорят. У Гильдаса битва названа «осадой горы Бадон», поэтому историки локализуют ее в одном из укреплений на холмах, которые существовали в Центральной Англии еще в бронзовом веке. Два главных претендента – Бэдбери-Рингс в Дорсете и Лиддингтон-Касл в Уилтшире, однако ни там, ни там не обнаружены следы военных действий того времени. Нет таких следов и в Бате, где место битвы помещал еще Гальфрид Монмутский. К тому же этот древний римский курорт находится не на холме, а в болотистой низине. Правда, вблизи Бата достаточно холмов, и вполне вероятно, что битва все же состоялась именно там. По версии одного из ведущих исследователей того периода Джона Морриса, поход на Бат, который находился в глубине Логрии, был совместно предпринят войсками саксов из Кента, Сассекса и Уэссекса. Возможно, его целью был всего лишь захват тыловых баз снабжения бриттов. Но не исключено, что англосаксы планировали нанести ослабевшей Логрии смертельный удар.

Масштабы битвы не следует преувеличивать – в ней, как и в других сражениях того времени, участвовало по несколько сот воинов с каждой из сторон. Скорее всего, упомянутые в «Анналах Камбрии» 960 погибших саксов составляли почти всю численность армии вторжения. Дружина бриттов была окружена на одном из холмов и находилась в осаде какое-то время – по данным тех же «Анналов», три дня и три ночи. Затем бритты мощным ударом прорвали кольцо противников и обратили их в бегство. Основу их сил составляла кавалерия, в то время как саксы сражались пешими. Понятно, что конники легко настигли и уничтожили почти всех врагов, у которых не было шансов спастись в глубине неприятельской территории. В числе погибших оказались и представители правящих родов Кента и Сассекса, что надолго охладило их завоевательный пыл. Вероятно, главная причина победы заключалась в новой организации войска, внедренной Артуром. В то время главной военной силой как у бриттов, так и у англосаксов были ополченцы, созываемые в случае войны. Такое войско могло сражаться умело и храбро, как это было у германских племен, но оно не знало дисциплины и организации. Артур впервые создал профессиональную военную дружину – боевое братство, которое в эпосе превратилось в «рыцарей Круглого стола». Необычным было и то, что эти воины сражались верхом, а возможно, имели и доспехи римского образца, что давало им преимущество перед англосаксами, защищенными в лучшем случае шлемами и небольшими щитами.

Бат-Бадон расположен на юго-западе Англии, как и другие места, связанные с именем Артура. В раннем Средневековье там находилось кельтское королевство Думнония, король которого Герайнт (Геронтий) был убит саксами в битве при Ллонгборте. О местонахождении этого места, название которого означает «корабельный порт», ученые тоже спорят. Его соотносят с Лэнгпортом в Сомерсете или Ллампортом в Уэльсе, хотя есть куда более подходящий кандидат – городок Портленд на восточной границе Думнонии. Рядом с ним находился крупный римский город Дурноварий, ныне Дорчестер, откуда на север и запад шли дороги, облегчавшие путь завоевателям. Битва при Ллонгборте была очередной и последней попыткой Герайнта преградить путь саксам. После его гибели королем стал – нет, не Артур, а сын убитого Кадо, или Кадор. Рыцарские романы называют его герцогом Корнуолла, верным соратником Артура и его единокровным братом. Кельтские легенды тоже не молчат о нем; в уже упомянутом «Житии святого Карантока» содержится фраза: «В те времена Кадо и Артур правили в той стране, проживая в Диндрайтоу». Но для кельтских вождей такое соправительство необычно: даже самое маленькое княжество они обязательно делили между наследниками.

Почему-то никто из писавших об Артуре и сочинявших самые невероятные гипотезы авторов не дошел до простой мысли – он не был королем, что позволяет объяснить многие загадки его биографии. Это придает новый смысл словам Ненния об Артуре, который сражался с саксами совместно с королями бриттов, – «он же был главою войска». Более точный перевод фразы «*sed ipse erat dux bellorum*» – «но сам он был военным предводителем», и ключевым здесь является именно слово «но». В IX веке Ненний помнил то, о чем забыли последующие авторы, – Артур занимал в Британии уникальное положение, ведь королей было много, а он один. В этом одна из причин того, что его помнят до сих пор, а имена его современников, гордившихся своими длинными родословными и воинской славой, давно превратились в выцветшие следы на палимпсесте столетий.

Если Артур не был королем, то какой же титул он носил? Об этом ясно говорят валлийские предания: в древней поэме «Разговор Артура с орлом» он назван «главой воинства Керниу», то есть Думнонии. Должность «главы воинства» (*penteulu*) у бриттов считалась второй по важности после королевской, и занимал ее обычно родственник короля. Поэтому нет ничего удивительного, что Артур постоянно находился рядом с Кадо, а может быть, и правил вместо него. Они остались друзьями до конца: в рыцарских романах говорится, что

Кадо-Кадор погиб в битве при Камлане, защищая Артура. После него Думнонией правил его сын Константин, которого Гальфрид называет преемником Артура на троне Логрии.

В реконструкции подлинной биографии Артура нам помогают родословные, называющие мать Артура Игрейну (Эйгр) дочерью некоего Анлаудда Вледига – скорее всего, правителя одного из южных бриттских королевств, уничтоженных саксами в конце V века. В тот период саксонский предводитель Элла, основавший королевство Суссекс, беспощадно разорял земли бриттов, вырезая население целых городов. Уцелевшие бежали на запад, в Думнонию; среди них было и семейство Анлаудда, одна из дочерей которого была женой короля Герайнта. Ее юная сестра Игрейна, оказавшись в крепости Тинтагел, сошлась с кем-то из воинов, возможно, ирландцем – эти храбрые воины часто служили королям бриттов как наемники. В положенное время у принцессы родился сын – не исключено, что в честь отца он получил ирландское имя Арт и только позже стал Артуром. Внебрачные дети в больших кельтских семьях воспитывались наравне с родными. Мальчик, как это было принято, вырос в семье знатного общинника – а именно Кинира, отца Кая (что характерно, он тоже был ирландцем). В отроческие годы он вернулся в Думнонию и вступил в королевскую дружину. Похоже, он был храбр, силен – прозвище «медведь» зря не дают – и преуспел в военном деле, если в сравнительно молодом возрасте заслужил звание командира дружины. Но быть может, другого выбора просто не было – почти все родственники короля Кадо погибли в битвах с саксами, как и его отец.

Артур сумел не только поднять отчаявшихся было думнонцев на сопротивление, но и призвать на помощь других кельтских правителей. Среди них наверняка был Карадок Сильная Рука, король соседнего Гвента на юго-востоке Уэльса, которому тоже угрожали саксы. Этот предводитель морских пиратов, захвативший власть силой, был уже немолод, но по-прежнему водил войско в бой. При его поддержке была одержана победа при Бадоне. Уцелевшие саксы сдались в плен, и Артур сделал с ними то, что всех удивило. Вместо того чтобы перебить врагов или продать их в рабство, он взял с них клятву верности и поселил на южных землях, откуда бритты все равно уже бежали. Эта область, ядро будущего саксонского королевства Уэссекс, тогда стала называться Хвисса, а ее жители – гевиссеями, «связанными договором». Верные своему обещанию, они не только не нападали на бриттов, но и защищали их от своих соплеменников.

Первого короля Уэссекса англосаксонские генеалогии называют Кердиком. Уже не раз отмечалось, что имя это кельтское, причем идентичное имени короля Карадока. В фольклоре есть намеки на то, что Карадок в молодости жил среди саксов и знал их язык, – быть может, поэтому Артур предложил ему стать правителем гевиссеев? Вдобавок Карадок с его сильным флотом мог дать корабли, нужные для связи с Галлией и союзной Арморикой. Теперь, когда тыл был прикрыт, Артур мог пойти в наступление против союзников саксов – англов, окопавшихся в Линдсее, нынешнем Линкольншире, и угрожавших бриттам с севера. Именно там и состоялись многие битвы списка Ненния, смутную память о которых до сих пор хранит местный фольклор. В результате англы хоть и не были окончательно разбиты, но пошли на мировую и оставили многие занятые ими области – археологи отмечают, что в VI веке англосаксонские кладбища в центре Англии оказались надолго заброшенными. Многие англосаксы в то время начали покидать Британию и возвращаться на родину, хотя там их никто не ждал – ведь они пустились в завоевательные походы не от хорошей жизни, а из-за перенаселения и повышения уровня моря, затопившего их земли в Германии и Дании.

Но большинство войн Артур вел не с чужеземцами, а со своими сородичами-бриттами. Романтически настроенные историки считают, что король в самом деле стремился объединить Британию в единое государство и создать надежную оборону против англосаксов. Эта версия, отраженная в большинстве художественных произведений об Артуре, сильно осовременивает психологию короля. Скорее всего, ему была свойственна ментальность кельт-

ского племенного вождя, для которой характерно обостренное внимание к вопросам чести – как собственной, так и своего клана. Поэтому большинство военных предприятий Артура имели целью не захват территорий или приведение их к покорности, а отмщение за некие обиды или помощь родичам. Конечно же, в походах дружина Артура не проявляла тех рыцарских качеств, какие были приписаны ей позже. В валлийских триадах – своеобразном фольклорном памятнике, где герои и события группируются по тройкам, – содержится такой знаменательный фрагмент: «Три Огненных Разорителя Острова Британии – Рин, сын Бели, Ллеу Хитроумный и Морган Щедрый. Но был Огненный Разоритель больший, чем эти трое, и это был Артур. Там, где проходил один из трех, трава и злаки не росли год, а там, где прошел Артур – семь лет».

Впрочем, именно такая беспощадность могла обеспечить Артуру успех в войнах. Он держал под прочным контролем Центральную Англию, которая, несмотря на все бедствия, оставалась наиболее богатой частью острова. Римские города на побережье были захвачены или разрушены саксами, поэтому центр государства переместился на запад, в Глостершир и Сомерсет. Именно здесь, скорее всего, находилась столица Артура, которая располагалась, по разным данным, в Карлионе или Камелоте. Первый город существует и сейчас под названием Карлион-он-Уск. В древности здесь находился римский город Иска Силурум, где был расквартирован один из трех британских легионов. Впечатляющие античные развалины могли быть приняты средневековыми авторами за остатки столицы Артура, а арена римского театра в их воображении вполне могла превратиться в Круглый стол.

Но более вероятно, что столица «военного предводителя» находилась близ деревни Сауз-Кэдбери в графстве Сомерсет. Здесь с древнейших времен известно громадное укрепление на холме, состоящее из системы земляных валов, которые когда-то окружались частоколом. С этим местом связано множество легенд, которые отождествляли его с артуровским Камелотом. Раскопки 1970-х годов доказали, что укрепление было заброшено при римлянах, восстановлено в середине V века, а в конце столетия перестроено с использованием камней близлежащей римской крепости. Гигантский объем работ доказывал, что они производились большим количеством людей по приказу какого-то сильного правителя, каким в то время мог быть только Артур.

Кроме Сауз-Кэдбери крепости были выстроены и в других местах – археологи обнаружили их в Брент-Нолле, Уиллзе и двух деревнях с тем же названием Кэдбери, происходящим от бриттского *cad* (битва). Вместе они образовывали впечатляющую систему оборонительных сооружений, ограждавшую Сомерсет с севера и востока. При Артуре строились не только свойственные кельтам укрепления на вершинах холмов, но и целые оборонительные системы в римском стиле. Остатком одной из них является раскопанный в 1960-е годы Вансдайт – большой ров между Батом и Бристолем, защищенный несколькими крепостями. Вероятно, на этой линии располагались сторожевые башни с солдатами, которые в случае опасности могли быстро поднять тревогу. Эти башни, упоминающиеся во многих легендах об Артуре, тоже являются римским изобретением.

Наши современники представляют себе двор Артура в антураже фильмов, снятых по рыцарским романам, – каменные замки, подъемные мосты, пышно разодетые дамы и кавалеры. На самом деле в артуровской Британии не было ничего подобного. Кельтские «дворцы» того времени представляли собой большие бревенчатые сараи, разделенные перегородками. Центром дворца был центральный зал, где горел очаг, устраивались пиршества и выступали заезжие барды. Зима была единственным сезоном, когда король и его приближенные проводили во дворце большую часть времени. В остальное время они воевали, охотились и объезжали свои владения, собирая подати и творя правосудие.

Могущество короля измерялось тем, сколько человек кормятся за его столом; это вполне оправданно, поскольку большинство едоков были его дружинниками. Восхваляя

своих покровителей, барды отмечали, что у них «каждый день подают на стол пиво и хмельной мед». Как и в скандинавских сагах, короли у кельтов именовались «кольцедарителями» – точнее, «дарителями гривен». Золотая шейная гривна, или торквес, издавна была символом власти; возможно, ее носил и Артур в знак своего высокого статуса. У королей бриттов не было корон – их заменяли головные обручи из золота, иногда украшенные самоцветными камнями.

С большой долей вероятности мы можем представить себе облик Артура. Знатные бритты того времени брили бороду, но отращивали длинные усы, носили рубаху, штаны и шерстяной плащ яркой расцветки. Из обуви предпочитали высокие кожаные сапоги, удобные для верховой езды. Если Артур и правда принял какой-нибудь из римских военных титулов, то он мог носить кожаный панцирь-лорику с металлическими пластинами и красный плащ, заколотый у ворота драгоценной брошью.

Понятно, что Артура окружали воины, стражники, слуги и советники, среди которых наверняка были и подобные Мерлину языческие волшебники, и христианские священники. Гальфрид сообщает, что его венчал на царство святой Дубриций – этот видный деятель британской церкви был в первой половине VI века епископом Каэрллеона, но потом оставил свою кафедру и удалился на «остров святых» Бардси в Уэльсе (любопытно, что местные предания помещают там же могилу Мерлина). Похоже, его «ушли» враги Артура, не простившие епископу поддержки полководца. Традиция связывает с именем Артура еще двух известных святых VI века, притом его родственников: святой Иллтуд был его кузеном, а святой Самсон, покровитель Бретани, – сыном его приемной матери Анны, жены Кинира. Мы видим, что пустоты в биографии Артура одна за другой заполняются и место вымышленного короля Логрии занимает совсем другой персонаж, не столь могучий и благородный, но ничуть не менее интересный.

Что еще нам известно о семье Артура? Его королеву Гвиневеру в валлийских преданиях зовут Гвенвивар – «белый призрак». Рассказывали, что у нее была сестра-близнец Гвенвивах. Однажды две сестры поссорились из-за блюдечка орехов, одна дала другой пощечину, у обеих нашлись защитники – из-за этого якобы и случилась битва при Камлане, погубившая державу бриттов. Конечно, это выдумка, как и сама Гвиневера – явный выходец из мира эльфов, который в Британии, древней и современной, всегда находится рядом с людьми. Барды называли ее «белой змеей Логрии», считая дочерью не короля Леодегана, как в романах, а страшного великана Огиврана. В кельтском фольклоре феи часто соблазняют смертных мужчин, и кончается это всегда плохо. Так случилось и с Артуром – вернее, случилось бы, если бы он действительно женился на фее. На самом деле, похоже, жены у него вообще не было. Зато были возлюбленные, перечисленные в малоизвестных валлийских преданиях. Сыном одной из них, Индег Белоснежной, мог быть Ллахеу, погибший в одном из походов, оплаканный бардами и попавший в рыцарские романы под именем Лохольта.

Безбрачию Артура есть объяснение – возможно, он был последователем митраизма, воинского культа, широко распространенного в Римской империи веком или двумя раньше. Женщин в митраистские общины не допускали, а их главы, «отцы отцов», не имели права заводить семью (при этом целомудрия от них никто не требовал). Как знать – быть может, Артур был именно таким «отцом», а его Круглый стол представлял собой митраистское братство? Кстати, по некоторым данным, церемониальные трапезы митраистов проходили именно за круглым столом, что подчеркивало равенство всех членов общины.

Как бы то ни было, воины Артура беспрекословно слушались своего командира, и его «государство в государстве» просуществовало больше тридцати лет. Из случившихся за это время событий из тумана веков выплывает лишь еще одна война, известная опять-таки из скупых упоминаний в валлийском фольклоре. Там говорится о вражде Артура с братом историка Гильдаса Хуэлом ап Кау, который «никогда не подчинялся руке господина». Причина

вражды неясна – то ли Хуэл ударил ножом племянника Артура, то ли увел у него возлюбленную. Как бы то ни было, началась война, в которой за драчливого Хуэла заступился могущественный король Северного Уэльса Мэлгон Гвинедд, чьи владения находились неподалеку, – Мэлгона тоже называли «драконом», и, естественно, среди историков нашлись желающие объявить Артуром именно его. Война была долгой и упорной, как сообщает валлийский историк XVI века Элис Грифидд, изучавший старинные, не дошедшие до нас рукописи. В итоге Артур осадил Мэлгона на острове Англси и вынудил отречься от власти и уйти в монастырь. Хуэла же он собственноручно обезглавил на камне, который до сих пор хранится в городке Рутин.

Можно думать, что победа не вызвала особой радости у соратников Артура – ведь на сей раз они воевали не с захватчиками-саксами, а со своими соплеменниками. В замкнутом, зажатом в узких рамках воинском сообществе копились противоречия, и нужен был только повод, чтобы они вырвались наружу. В жизни все случилось, как в легендах, и так же, как там, державу погубила женщина – Гвиневра, а точнее, Гвенвивах, «белоликая». О ее подлинной роли в жизни Артура нам рассказывают немногие факты, спрятанные в нагромождении вымыслов. Первый факт вытекает из старинной легенды, включенной в одно из продолжений неоконченного романа Кретьена де Труа «Персеваль». Эта история рассказывает о короле Карадоке, на которого напала громадная змея, и жене короля Гвеньер с ее братом Кадором Корнуэльским с трудом удалось ее прогнать. Змея успела изуродовать руку Карадока, который с тех пор получил прозвище Короткая Рука. По-французски это звучит почти так же, как валлийское «Сильная Рука», и речь явно идет о знакомом нам правителе Гвента. Овдовев, он вполне мог жениться на сестре своего союзника, короля Думнонии. Чувства девушки, выданной за старика, как обычно, в расчет не принимались.

Итак, факт первый: Гвиневра (будем все же называть ее так) была женой не Артура, а Карадока. Факт второй – при его дворе она завела роман с Медраудом, или Мордредом, – судя по генеалогиям, он был внуком Карадока и почти ровесником своей молодой мачехи. Коллизия эта знакома по истории Тристана и Изольды, примыкающей к циклу артуровских легенд. В ней король Марк долго закрывал глаза на измену жены с Тристаном, поскольку любил племянника и видел в нем своего преемника; быть может, так же поступал Карадок. Роман Гвиневры и Мордреда продолжался так долго, что королева успела родить от любовника двух сыновей, достигших подросткового возраста. Идиллия закончилась около 534 года, когда старый Карадок умер – англосаксонские хроники датируют этим годом смерть Кердика. Мордред тут же доказал, что им движет не любовь, а политические амбиции, – он порвал с Гвиневрой и женился на одной из валлийских принцесс. Малоизвестная валлийская генеалогия называет его супругой Кивиллог, сестру убитого Хуэла и Гильдаса, – вот еще одно объяснение неприязни святого к Артуру.

Опозоренная Гвиневра вернулась к брату в Думнонию, забрав с собой детей. Говорили – и это отразилось в фольклоре, – что на прощание Мордред жестоко избил бывшую возлюбленную. Кадор должен был отомстить за сестру, и Артур, как всегда, пришел ему на помощь. Вероятно, он ожидал легкой победы, но вышло иначе: Мордред неплохо подготовился к нападению, наладив связи с враждебными Артуру валлийскими князьями и получив от них помощь. Он первым вторгся во владения Артура и сразился с ним при Камлане – по догадкам историков, у брода на реке Кам в Сомерсете, недалеко от Сауз-Кэдбери. «Анналы Камбрии» под 539 годом упоминают «битву при Камлане, в которой пали Артур и Медрауд». По мнению других авторов, в том числе Гальфрида Монмутского, сражение произошло в 542 году. «Мабиногион» сообщает, что после побоища уцелело лишь девять человек. Среди них были и широко известные впоследствии святые Петрок и Дервел Кадарн – случившееся так ужаснуло этих бывалых воинов, что они поклялись никогда не брать в руки оружие.

Рыцарские романы тоже считают, что королевство Артура погубили внутренние раздоры. При дворе короля образовались несколько партий, люто враждовавших между собой. Самой многочисленной была северная партия, в которую входили сыновья Лота Гавейн, Гарет, Гахерис и примкнувший к ним пасынок Артура Мордред. С ней боролась партия короля Пелинора и его сына Агравейна. Свою игру вел могучий рыцарь Ланселот, всячески пытавшийся добыть главный козырь – чашу Грааля. Как в любой шахматной партии, главную роль сыграла королева. Гвиневера, которую единодушно осуждают и романисты, и валлийские барды, повела себя отнюдь не как верная жена. Ее роман с Ланселотом начался еще тогда, когда молодой рыцарь вез ее к жениху от короля Лодегранса. Частые отлучки мужа в конце концов вынудили красавицу обратить внимание на настойчивого ухажера. А может, она, как истинная фея, просто решила погубить своего смертного супруга – именно такая версия закрепились в фольклоре.

Скоро о романе Гвиневеры и Ланселота судачили все придворные. Тем временем во время очередной отлучки Артура Мелеагант, король Летней страны (легенды локализуют ее в нынешнем графстве Сомерсет), похитил королеву, в которую был тайно влюблен, и увез к себе в замок. По одной из версий, Гвиневеру спас Ланселот, по другой – святой Гильдас, удививший похитителя вернуть свою жертву законному супругу. Напоследок Мелеагант обвинил Гвиневеру в том, что она изменяет мужу с Ланселотом, но обманщики сумели оправдаться. Король то ли был очень занят, то ли ослеп от любви – такое бывает и с великими правителями. Влияние Ланселота при дворе все же уменьшилось, и Гавейн с братьями воспользовались этим. Сначала они убили собственную мать Моргаузу, застав ее в постели со своим заклятым врагом Агравейном. Потом лишили жизни самого Агравейна, а заодно и его отца Пелинора. Наконец, им удалось уличить королеву в супружеской измене и добиться от Артура согласия на ее казнь. Когда Гвиневеру уже вели на костер, Ланселот спас ее, убив попутно Гарета с Гахерисом.

По настоянию Гавейна Артур изгнал Ланселота, а потом с большой армией вторгся на родину неверного рыцаря и осадил его замок Бенвик в Бретани. Пока шла осада, оставленный править Логрией Мордред восстал и провозгласил себя королем. Он захотел жениться на Гвиневере, но ей удалось бежать и укрыться в монастыре. Артур с войском спешно вернулся в Британию и в первом сражении обратил в бегство отряды Мордреда, лишившись при этом павшего в битве Гавейна. Решающая битва состоялась на равнине Солсбери, где из ста тысяч воинов обеих сторон уцелели всего трое: рыцари Бедивер и Лукан и смертельно раненный Артур. После этой злосчастной битвы сила и слава навсегда покинули бриттов, и спустя некоторое время саксы смогли окончательно захватить Логрию. Но об этом рыцарские романы умалчивают. Сообщают они лишь о судьбе выживших героев – Гвиневера удалась замаливать грехи в аббатство Эмсбери. Ланселот, узнав об этом, ушел в монастырь Гластонбери и позже стал там настоятелем. Мерлин скрылся в лесу, где влюбился в фею Нимуэ, а она обманом заточила его в волшебной пещере, где он и остался навеки.

Примерно та же судьба постигла и Артура – его сестра, чародейка Моргана, и вездесущий Мерлин успели доставить короля на чудесный остров Аваллон, где он будет находиться до тех пор, пока ему не настанет время вернуться и возродить королевство бриттов. «Аваллон» на языке бриттов означает «яблоневый остров» (*Ynys Afallon*) и представляет собой классическую «страну вечной юности» из кельтских легенд. С потусторонним миром тесно связаны и «перевозчики» короля – Мерлин и Моргана, которая явно происходит от древней богини войны Морриган. С другой стороны, у волшебного Аваллона есть и реальный адрес – то же аббатство Гластонбери, которое находилось на возвышенности среди болот и иногда действительно называлось «яблочным островом». Открытие пресловутой могилы Артура подкрепило уверенность в том, что прах короля находится именно здесь.

В 1191 году гластонберийские монахи, копая могилу на местном кладбище, наткнулись на старинное захоронение.

В гробу, выдолбленном из дубового ствола, лежали скелеты мужчины высокого роста и крепкого сложения и женщины с сохранившимися прядями светлых волос. Монахи сочли их останками Артура и Гвиневеры, что подтверждал найденный рядом с гробом свинцовый крест с надписью: «Здесь покоится прославленный король Артур, погребенный на острове Авалон». Артура и Гвиневеру с почестями перенесли в строящийся собор и захоронили там. В 1278 году могила была вновь раскопана в присутствии короля Эдуарда I, который осмотрел кости и подтвердил их подлинность. После закрытия монастыря при Генрихе VIII его постройки подверглись разорению вместе с гробницей Артура, после чего останки короля куда-то исчезли. Судьба креста сложилась столь же печально – в 1607 году его успел зарисовать историк Уильям Кэмден, но во время Английской революции пуритане уничтожили крест вместе с другими священными реликвиями. Во всяком случае, наличие могилы подтверждало основную версию – Артур умер и погребен в Гластонбери. Однако романтикам было трудно расстаться с мыслью, что он жив и может однажды вернуться. В разных местах Англии и Шотландии известно не меньше десятка пещер, где якобы ждет своего часа Король прошлого и грядущего.

По данным Гальфрида, королем Логрии после смерти Артура стал Константин, сын Кадора Корнуолльского. Этот Константин упоминается Гильдасом – в борьбе за власть он коварно убил двух юных сыновей Мордредра, которые претендовали на трон своего дяди Кадо. Там же говорится о еще четверых королях – Маглокуне, или Мэлгоне, из Гвинедда (Северного Уэльса), его родиче Кунигласе из Роса, Вортипоре из Диведа (Южного Уэльса) и Аврелии Конане. Где правил этот последний, неясно, но около 542 года он изгнал Константина, сменив его на троне Логрии. Однако на этот трон претендовали также упомянутые Мэлгон с Вортипором, поэтому Аврелий удержался у власти недолго.

В артуровских легендах говорится, что решающий удар Логрии нанес король Корнуолла Марк. В свое время Артур заступился за своего рыцаря Тристана, который похитил у Марка его молодую жену Изольду. Теперь Марк, которого рыцарские романы изображают трусливым и коварным стариком, решил отомстить. Сначала он предательски убил Тристана, после чего Изольда умерла с горя; потом вторгся во владения покойного Артура, разрушил Камелот и увез с собой Круглый стол. В сражении с последними рыцарями Марк был убит или, по другой версии, схвачен и заключен в темницу. Хотя вся история Марка и Тристана принадлежит фольклору, в ней есть и следы реальных событий. Король Марк, он же Куномор, правил в Арморике (Бретани) около 540 года. После гибели Артура он действительно совершил вторжение в Корнуолл и захватил его, но через несколько лет был убит. На юге Корнуолла археологи обнаружили каменный монумент с надписью: «Здесь лежит Друстан, сын Куномора», что подтверждает реальное существование Тристана – пусть не племянника, а сына короля Бретани. Возможно, существовала и Изольда, но вряд ли властолюбивому Марку был нужен какой-то предлог, чтобы вторгнуться во владения погибшего соседа и хорошенько пограбить их.

Всех упомянутых им правителей Гильдас относит к поколению «внуков Амброзия», – очевидно, Артура он считал принадлежащим к поколению «сыновей». Святой историк сурово обличал «внуков», приписывая им самые страшные злодеяния. Похоже, не без основания – артуровская эпоха так и не завершилась созданием прочного государства. Военные вожди не желали соблюдать ни законов, ни обычаев и были готовы на все ради достижения власти. Если при жизни «военного предводителя» поддерживалась хоть какая-то иллюзия порядка, то после его гибели каждый мелкий тиран стремился стать маленьким Артуром в собственных владениях. Гильдас еще писал о спокойствии, которое царит в Британии, но не прошло и десяти лет, как этот хрупкий мир рухнул.

В 547 году остров охватила страшная эпидемия чумы – «желтой заразы». В считанные месяцы вымерла почти половина жителей Логрии, включая короля Мэлгона и других правителей. Англосаксов, которые жили обособленно от бриттов, эпидемия не затронула, и они беспрепятственно занимали опустевшие города и селения. В том же году англы захватили восточное побережье острова и основали там королевство Берницию. Вскоре рядом с ним возникло королевство Дейра, а позже они объединились в составе Нортумбрии. Около 550 года англы создали на юго-востоке королевство Восточная Англия (Эсенгел). В 585 году англы прорвались в центр Северной Англии, где было создано обширное королевство Мерсия. На юге саксы Уэссекса продолжали натиск на уцелевшие владения бриттов. Постепенно были потеряны Глостершир, Сомерсет, Девоншир, и к 705 году жалкие остатки кельтского населения отступили в Корнуолл. Тем временем англы добивали одно за другим разрозненные королевства севера. Около 580 года пали в сражении последние потомки Коэла Старого, после чего англы захватили Йорк. В 586 году изменники из числа бриттов убили короля Уриена Регедского – самого опасного противника завоевателей. В 597 году в битве при Катрайте была разбита армия Гододдина.

Англосаксы истребили или изгнали значительную часть кельтского населения, а оставшихся поставили в зависимое положение, лишив всяких прав. Кое-где победители и побежденные остались жить рядом, постепенно смешиваясь. Однако большинство бриттов предпочли покинуть родные земли и бежали в Уэльс или за море, в Арморику. Уинстон Черчилль в своей «Истории англоязычных народов» писал: «Англия снова превратилась в варварский остров. Прежде ее население наслаждалось жизнью в городах с храмами, рынками, академиями. На протяжении четырехсот лет царили порядок и закон, уважение к собственности, культура. Теперь все исчезло. Здания – там, где они строились, – были из дерева, а не из камня. Люди полностью утратили искусство письма. Варварство в лохмотьях управляло всем». Великий политик слегка преувеличивал – англосаксы не только обладали развитой фольклорной традицией, но и имели древнюю руническую письменность. Однако основной вывод не подлежит сомнению: после англосаксонского завоевания Британия пережила продолжительный хозяйственный и культурный упадок.

Постепенно на остров начали проникать традиции образованности, неразрывно связанные с христианством. У ирландцев и бриттов новая религия окончательно утвердилась еще в V веке, но кельтские священнослужители не могли, да и не стремились обратить завоевателей в свою веру – вражда между их народами была слишком велика. В 597 году в Кенте высадился мирный десант – несколько монахов, посланных папой Григорием I проповедовать в Британии Слово Божье. Король Этельберт принял их радушно, поскольку христианкой была его жена, франкская принцесса Берта. Понемногу Англия налаживала отношения с соседними странами. Вместе с христианством в страну вернулся латинский язык, открывший англосаксам античную культуру и позволяющий им общаться с другими народами. Лондон вновь стал оживленным портом, где торговали франкские и фризские купцы. Страна созрела для возвращения к цивилизации, и этот процесс медленно, но верно шел вперед.

О последующих событиях нам поведал первый английский историк Беда Достопочтенный. Этот монах из Ярроу довел историю Англии до 731 года, подробно рассказав о принятии христианства разными областями страны, о жизни и деяниях местных святых. Попутно он касался и светской истории, поведав о правлении большинства англосаксонских королей и воздав им должное сообразно их отношению к церкви. Рассказ Беды дополняют сообщения «Англосаксонской хроники», которая параллельно велась в нескольких монастырях с IX по XII век. Тогда же начали появляться другие источники – королевские законы, акты, письма.

Монах Августин сделался первым архиепископом Кентерберийским. Его покровитель Этельберт был в то время весьма влиятелен, несмотря на крохотные размеры своего королевства. Он даже получил почетное звание «бретвальда» (верховный король), которое, впрочем,

не подразумевало никакой политической власти. Тогда в Англии насчитывалось несколько англосаксонских королевств – обычно считается, что их было семь, но это лишь дань традиции. В разное время число королевств менялось, но к сильнейшим всегда относились три – Уэссекс, занимавший юго-запад Англии, Мерсия в центре и Нортумбрия на северо-востоке. Королевства Кент, Эссекс, Сассекс и Восточная Англия были невелики по размеру и часто оказывались в зависимости от более сильных соседей. Короли постоянно воевали между собой, а также с пиктами, валлийцами, ирландцами. Со своими обращались не менее жестоко, чем с чужими. Захватив в 686 году населенный ютами остров Уайт, король Уэссекса Кэдвалла истребил всех его жителей вплоть до грудных детей. Можно объяснить такую жестокость влиянием язычества, но Кэдвалла как раз перед этим сделался христианином. Он проявлял такое рвение в вере, что отправился в паломничество в Рим и умер в конце этого нелегкого пути.

Важным событием стало крещение Нортумбрии – крупнейшего англосаксонского королевства, которое простиралось от реки Хумбер до шотландского залива Ферт-оф-Клайд. В 625 году король Нортумбрии Эдвин женился на дочери кентского короля Этельберта, вместе с которой в Йорк прибыл епископ Паулин. Он убедил креститься не только короля, но и часть местной знати, но это крещение оказалось непрочным. В 633 году Этельберт был убит в сражении с мерсийским королем Пендой, который упорно придерживался языческих обычаев. Крещенные англосаксы тут же вернулись к язычеству и изгнали священников и монахов из пределов королевства. Однако новый король Освальд вскоре также принял новую веру и активно взялся за ее насаждение. В 642 году Пенда убил и его, но брат покойного Освиу в конце концов взял реванш. В 655 году войско Нортумбрии разгромило мерсийцев, и король-язычник был убит. Его сын Вулфхер вскоре поднял восстание и изгнал армию Освиу, но сам тут же принял христианство. Дольше всего языческие обычаи держались в Уэссексе, но и это королевство стало христианским в правление Кэдваллы. Наследник этого короля Ине не только даровал привилегии церкви, но и позаботился об открытии первой на юге Англии школы, а также об издании свода законов.

Ине, как и его предшественник Кэдвалла, умер во время паломничества в Рим. При его преемниках Уэссекс попал в зависимость от Мерсии. Король этой области Этельвальд, правивший в 716 – 757 годах, подчинил себе почти всю Англию к югу от Хумбера. Чтобы вести бесконечные войны, он обложил подданных налогами, что вызвало возмущение вольнолюбивых англосаксов. Они подняли восстание и убили короля, место которого занял Оффа – потомок Пенды, скрывавшийся в монастыре. Оффа стал самым могущественным монархом в истории семи англосаксонских королевств. При нем к Мерсии были присоединены Кент, Сассекс и Эссекс, а потерпевшая военное поражение Нортумбрия временно утратила свое влияние. Нанеся ряд поражений валлийцам, Оффа вырыл вдоль границы с Уэльсом ров, на столетия отгородивший эту область от Англии. Он завязал отношения с Карлом Великим, который признал английского монарха равным себе правителем. Оффа впервые за долгое время начал чеканить серебряную монету, причем на монетах красовалось изображение не самого короля, а его супруги Кинефриты. Еще одним новшеством стало объявление сына Оффы королем еще при жизни отца для предотвращения раздоров. Это мало помогло – после смерти старого короля в 796 году его наследник Эгфрит прожил всего четыре месяца. К власти пришел узурпатор Кенвульф, при котором могущество королевства начало клониться к упадку.

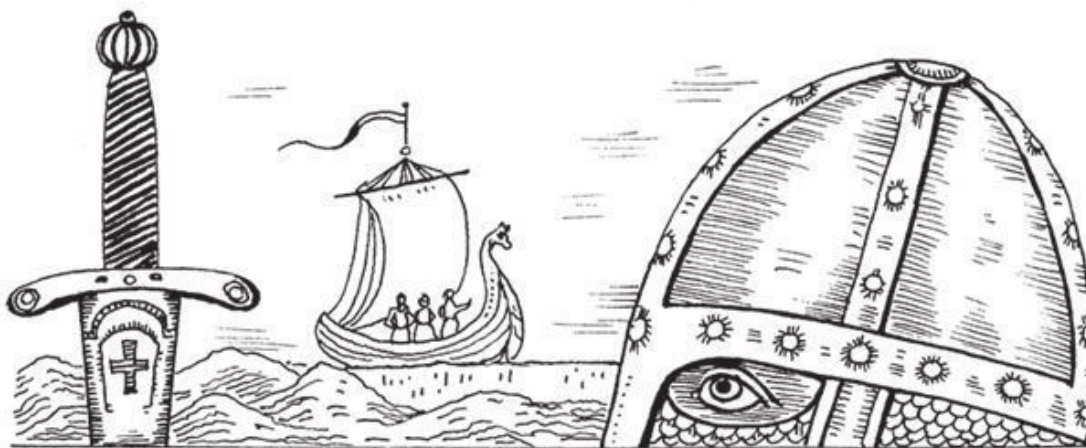
Как бы велико ни было влияние Мерсии, культурным центром Англии до конца VIII века оставалась Нортумбрия. Здесь возникло большое количество монастырей, основанных ирландскими монахами, включая «светильник севера» – островную обитель Линдисфарн. Обычаи ирландской и римско-католической церкви во многом различались, и эмиссары Рима вели упорную борьбу против «еретиков». В 655 году на соборе в Витби нортумбрий-

ская церковь склонилась на сторону Рима, в чем решающую роль сыграл король Освиу. Этот благочестивый правитель щедро жертвовал земли и имущество монастырям; при нем были основаны знаменитые обители Уирмут и Ярроу, где жил историк Беда.

В 670 году Освиу умер, оставив трон своему сыну Эгфриту. Последний продолжал завоевательную политику – он подчинил бриттское королевство Камбрия и даже совершил поход в Ирландию, жестоко разорив ее прибрежные районы. Очередное военное предприятие Эгфрита оказалось роковым. В походе против пиктов в 685 году король попал в ловушку и погиб вместе со всей армией. После этого в руках пиктов оказался весь Лотиан, а бритты Камбрии вернули себе независимость. Вскоре Нортумбрия оказалась отодвинута на второй план победоносной Мерсией, а внутри королевства не прекращалась междоусобная борьба. На протяжении VIII века здесь сменилось почти два десятка правителей, что отнюдь не способствовало стабильности.

Между тем в англосаксонских королевствах продолжала развиваться культура. Росли и богатели монашеские обители, где создавались школы, строились богато украшенные каменные здания, переписывались манускрипты. Английские миссионеры отправлялись за границу, внося немалый вклад в христианизацию Германии и других стран Европы. В свою очередь, Ла-Манш пересекало множество иноземных купцов – в основном франков и фризов. Завершая свою «Церковную историю», Беда Достопочтенный писал о «благоприятных временах мира и процветания», когда «многие из народа англов, как знатные, так и простые, отложили оружие и приняли постриг, предпочтя принести монашеский обет, а не упражняться в искусстве войны». Однако полвека спустя англосаксам пришлось вновь взяться за оружие – на них обрушились столь же опасные и безжалостные враги, какими они сами еще недавно были для бриттов.

Основатель. Альфред Великий

IX век оказался горестным для жителей Британских островов. Лишь недавно проросшие всходы просвещения и цивилизации были безжалостно вытоптаны сапогами разбойников-викингов. Чуть ли не каждый год пираты с Севера на своих быстроходных драккарах являлись в Англию, разоряя города и поселки, сжигая монастыри, убивая и угоняя в плен беззащитных жителей. Впервые они появились в январе 793 года в обители Линдисфарн и сожгли ее, безжалостно перебив монахов. После этого рейды на побережье Нортумбрии и Восточной Англии повторялись каждые три-четыре года, а с 832 года сделались почти ежегодными. Англосаксы не могли эффективно сопротивляться захватчикам, которые нападали внезапно и так же быстро скрывались в море, увозя с собой награбленное. В первых походах викингов участвовало всего несколько кораблей, но с годами к ним присоединялись все новые пираты. В середине IX века на Британию нападали целые флоты в 200 – 300 кораблей, команда каждого из которых составляла 20 – 40 человек. С каждым годом география набегов расширялась, и к середине века на побережье не было города или монастыря, избежавшего разорения. По рекам и заливам скандинавы проникали в глубь материка, нанося неожиданные удары королевским войскам.

Когда Нортумбрия и Мерсия были почти уничтожены набегами викингов, ведущая роль в Англии автоматически перешла к Уэссексу. До того это королевство, ослабленное междоусобной борьбой, находилось под контролем Мерсии. Начавший править в 784 году король Бритрик взял в жены дочь Оффы. Этот никчемный правитель не пользовался поддержкой народа и всецело зависел от отряда мерсийских гвардейцев, присланных ему тестем. Они не смогли защитить Уэссекс, когда здесь впервые появились драккары северян. Вторжения следовали год за годом, горели деревни и церкви, и народу пришлось взять дело обороны в свои руки. Ополчение возглавил этелинг Эгберт, отдаленный потомок короля Ине. Будучи наместником Кента, он организовал регулярное патрулирование побережья добровольцами, которые поднимали тревогу при появлении викингов. В 798 году захватчики, привыкшие к неожиданности своих набегов, впервые получили чувствительный удар. Эта победа решила судьбу трона: в 802 году Бритрик умер и Эгберт был избран новым королем.

Нужно вкратце рассказать о структуре власти в Уэссексе и прочих англосаксонских королевствах. К тому времени они уже входили в феодальную стадию. Общество, некогда делившееся лишь на рабов и свободных общинников, все больше раскалывалось по имущественному признаку. В нем выделялись сословия знати (эрлов) и простолюдинов (керлов).

Последние обязаны были платить подати королю и нести общественные повинности, включая службу в ополчении (фирд). За службу королю представители знати – таны и гезиты – получали поместья вместе с жившими там крестьянами, которые переходили в раздел зависимых людей. Крупнейшим феодалом была церковь – ей принадлежало до четверти пахотной земли. Рабы (литы) постепенно теряли свое значение, сливаясь со свободными крестьянами-керлами. Этот процесс в тот период шел по всей Европе, однако в Англии он отличался замедленностью. В результате здесь всегда сохранялась довольно многочисленная категория свободных людей.

Власть короля (кининга) была наследственной, но не абсолютной. Прежде выбор монарха осуществлялся народным собранием, потом его сменил витанагемот (совет мудрых), состоящий из церковных иерархов и светской знати. В VIII веке значение этого органа было еще достаточно большим, и совет мог отклонить неугодную кандидатуру на трон. Король опирался на личную гвардию, состоявшую из сыновей знатных англосаксов. Имелись придворные сановники, но развитого госаппарата еще не было. Отдельными областями управляли наместники (элдормены) из числа родственников короля. Формальным правом на трон пользовались все члены правящей династии (этелинги), что оборачивалось постоянными раздорами. Занимать престол могли и женщины, хотя в истории семи королевств известна лишь одна полновластная королева – Сексбурга, правившая Уэссексом в 672 – 674 годах.

Население англосаксонских королевств в начале IX века едва ли превышало полмиллиона человек, из которых в Уэссексе жило не более 150 тысяч. С языческих времен столицей считался Кинингестун (нынешний Кингстон), где совершались торжественные коронации на древнем Камне судьбы. Однако королевский двор уже давно перенесли в Винчестер, где при короле Киневулфе были построены большой дворец и каменный собор. В королевстве были и другие значительные города – Дорчестер, Эксетер, порты Портсмут и Саутгемптон. Экономика базировалась на разведении крупного рогатого скота и овец, которые обеспечивали всю Англию шерстяными тканями. Через приморские города велась активная торговля с другими странами. Уэссекские короли Кэдвалла и Ине покровительствовали церкви, особенно овечьей славы аббатству Гластонбери. В монастырях уже трудились первые хронисты, обосновывая право династии Кердика на господство в Англии. В 686 году к Уэссексу было присоединено все южное побережье острова – Кент, Сассекс, остров Уайт, – но позже эти земли оказались в руках Мерсии.

Однако амбиции короля Эгберта значительно превышали эти пределы. Он стремился подчинить себе всю Англию, беря пример с Карла Великого, при дворе которого в молодости провел несколько лет. Женившись на франкской принцессе Редбурге, Эгберт пытался подражать обычаям каролингского двора, впервые присвоив своим придворным звания «конюших» и «постельничих». Он начал выпускать первые в Уэссексе серебряные монеты со своим профилем. Изгнав мерсийцев, король составил новую гвардию из своих давних соратников. Недовольный таким поведением правитель Мерсии Кенвульф пошел на Уэссекс войной, но был разбит. Спустя несколько лет Эгберт перешел в наступление. В 825 году при Эллендуне армия мерсийского короля Бернвульфа была наголову разбита. Гегемонии Мерсии пришел конец, и следующий король Виглаф был вынужден полностью покориться Уэссексу. После этого Эгберт смог не только вернуть бывшие завоевания – Кент и Сассекс, – но и присоединить Эссекс, где уже несколько лет правил предводитель викингов Гутрум. Вся Англия к югу от Хумбера впервые с римских времен стала единой, и Эгберт справедливо считается первым общеанглийским королем.

После смерти Эгберта в 839 году королем стал его единственный сын Этельвульф, объявленный соправителем еще при жизни отца. К моменту вступления на трон у него было пятеро сыновей от Осбурги, дочери элдормена Ослака. Все они, кроме рано умершего пер-

венца Этельстана, стали королями Уэссекса, но славу стяжал лишь один, самый младший – родившийся в 849 году Альфред. Ему одному из англосаксонских монархов досталось имя Великого, хотя дали его не современники, а ученые Нового времени. Чем обусловлен такой почет? Хотя Альфред и спас страну от полного завоевания скандинавами, захватчики продолжали свои набеги еще добрую сотню лет. Но король был не только умелым полководцем и искусным политиком. Он остался в веках как законодатель, поборник учености и умелый администратор. Именно это редкое сочетание стольких достоинств в одном человеке принесло ему заслуженный почет.

В правление Этельвулфа и его сыновей Англия перенесла тяжелые испытания. Именно тогда скандинавы перешли от тактики разрозненных набегов к массовым вторжениям, целью которых был захват английской территории. В основном в них участвовали выходцы из Дании, потому англичане называли «датчанами» всех скандинавских пиратов. В 851 году скандинавы на 350 кораблях вошли в устье Темзы и разорили окрестности Лондона. Не довольствуясь этим, они в том же году напали на Суррей, но были разбиты королевской армией у местечка Оукли. Это был еще небывалый разгром – на поле боя осталось не меньше тысячи захватчиков. В 865 году нортумбрийские воины захватили в плен знаменитого вождя викингов Рагнара Лодброга, и король велел бросить его в яму со змеями. В 867 году на востоке острова появилась «Великая армия» сыновей Рагнара – Ивара Бескостного, Бьорна Железнобокого и Сигурда Змея-в-Глазу, желавших отомстить за отца. На 400 кораблях прибыло около десяти тысяч воинов, которые обрушились на Англию, подобно урагану. Их первой жертвой стала Нортумбрия; захватив Йорк, они основали там свое королевство с Иваром во главе. Король Элла был убит, а его преемник Эгберт стал покорным вассалом скандинавов. Прогнав с насиженных мест местных жителей, завоеватели поселились на их земле и начали перевозить из Дании и Норвегии свои семьи. Почти на сотню лет север Англии стал скандинавской колонией.

Разорив все приморские города и монастыри, викинги начали совершать походы в глубь страны по рекам и заливам. Часто они сажали на корабли лошадей, которые обеспечивали им быстроту передвижения по суше и преимущество в бою с пешими англосаксами. Английские ополченцы за годы относительного мира разучились обращаться с оружием и больше думали о своем урожае, чем о войне. Они не знали боевого строя, были плохо вооружены и не имели почти никаких средств защиты. Им противостояли опытные воины, одетые в кольчуги и стальные шлемы. У скандинавов было и такое «секретное оружие», как берсерки – воины, которые одурманивали себя настоем из мухоморов и бешено бросались в бой, презирая смерть. Понятно, что на протяжении десятилетий викинги, как правило, побеждали даже превосходящие силы англосаксов. Впрочем, масштабы битв той эпохи не нужно преувеличивать – в крупнейших из них участвовало по 2 – 3 тысячи воинов с каждой из сторон. Ущерб от скандинавских набегов тоже не был так велик, как порой представляют. Однако северные пираты нанесли тяжелый урон английской культуре, сжигая монастыри вместе с бесценными рукописями и памятниками искусства.

Король Этельвульф, предназначенный отцом к духовному званию, был не готов к противостоянию захватчикам. Слабый и болезненный от природы, он проводил время в молитвах, основывал монастыри, делал богатые пожертвования храмам. К военному делу король был равнодушен и даже не пытался укрепить оборону страны перед лицом грозного нашествия. Борьбой с викингами занимались его старшие сыновья Этельстан и Этельбальд. Первый был назначен элдорменом Кента и несколько лет успешно защищал эту область от набегов, пока в 855 году не погиб в одной из стычек.

Где же во время этих бурных событий находился принц Альфред? Вскоре после рождения, в 853 году, он был отправлен отцом в Рим, как о том сообщает епископ Ассер в своей «Жизни Альфреда» – главном источнике сведений о жизни монарха. Римский папа Лев IV

принял малыша с почетом и объявил его своим духовным сыном. По словам Ассера, Альфред даже был помазан папой на царство, но, скорее всего, эта история является вымышленной. Подобные странности с давних пор вызывали сомнения в подлинности биографии Ассера; возникали версии о том, что на самом деле она была написана в XII веке для доказательства славного прошлого английской монархии. Именно к этому времени относятся древнейшие сохранившиеся рукописи «Жизни Альфреда». К тому времени в народе ходило немало фольклорных историй о жизни короля, далеко не все из которых вошли в книгу. Отрицает авторство Ассера и А. П. Смит – автор наиболее подробной на сегодняшний день биографии Альфреда.

Очевидно, принц находился в Риме до 855 года, когда туда прибыл в качестве паломника его отец. В следующем году Этельвульф с сыном вернулся домой через Францию, где женился на 16-летней Юдит, дочери французского короля Карла Лысого. Этот шаг вбил клин в отношения между королем и его сыновьями от первой жены, трое из которых были старше новой мачехи. Узнав о поступке отца, Этельбальд восстал и при поддержке знати занял столицу. По возвращении королю пришлось пойти на мировую с сыном и отдать ему всю западную часть Англии, оставив себе восток. Вероятно, Осбурга в то время была еще жива, и король после новой женитьбы просто отослал ее прочь, хотя и не препятствовал детям видеться с ней. Об этом говорит рассказанная Ассером история о том, как королева показала сыновьям книгу с дивными цветными картинками и пообещала подарить ее тому, кто быстрее других осилит грамоту. Естественно, самым смысленным оказался Альфред, которому к тому времени исполнилось двенадцать лет. Стоит вспомнить, что даже принцев в то время не учили читать, и, насколько известно, ни один из предшественников Альфреда на уэссекском троне не мог вывести на бумаге свое имя. Впрочем, среди королей грамотность была еще более редким явлением, поэтому не исключено, что в этой истории речь идет не об Осбурге, а о новой королеве Юдит – во Франции образование в то время было распространено шире, чем в Англии.

Похоже, Этельвульф любил Альфреда больше других сыновей, но не мог сделать его наследником в обход старших братьев. После смерти отца в 857 году королем стал мятежный Этельбальд, который вскоре женился на молодой мачехе Юдит, быстро забыв про свою враждебность к ней. В 860 году он внезапно скончался, оставив престол своему брату Этельберту, который прежде был королем или элдорменом в Кенте. В том же году войско датчан взяло штурмом Винчестер и разграбило его. Семь лет спустя нашествие повторилось; в те же годы «Великая армия» грабила Кент и Эссекс. Очевидно, в этот период резиденция английских королей была перенесена из Винчестера в более безопасный Шерборн. Викинги ощущали себя хозяевами страны; они все чаще зимовали на английских берегах, чтобы весной снова навестить уже не однажды ограбленные города и деревни.

В 866 году Этельберт умер, и королем стал третий сын Этельред. Он был ненамного старше Альфреда, и тот занял положение главного советника своего трусоватого и нерешительного брата. В 868 году 19-летний принц получил боевое крещение – вместе с королем он отправился в поход на Ноттингем, захваченный скандинавами. По сведениям Ассера, захватчики убоялись и запросили мира, но город остался у них, поэтому более вероятно, что Этельред просто не решился на штурм. В начале того же года Альфред женился; его избранницей стала 17-летняя Эльсвита, дочь элдормена Этельреда. Осенью у супругов родилась дочь Этельфледа, а в следующем году – сын и наследник короля Эдвард Старший.

Осенью 870 года большое войско датчан во главе с Хингмаром и Хуббой высадилось в Восточной Англии. Ее король Эдмунд попал в плен и был зверски замучен за отказ отречься от христианской веры; позже он стал одним из святых покровителей Англии. Перезимовав в Норфолке, скандинавы в начале следующего года отправились вверх по Темзе и достигли Рединга. Там их встретил уэссекский эрл Этельвульф с небольшой дружиной. В битве у Энгл-

филда англосаксы были разбиты. Но навстречу врагу уже спешили Этельред и Альфред с наскоро собранным ополчением. В первом сражении они потерпели поражение и отступили. Решающая битва состоялась в конце января у селения Эскесдун (ныне Эшдаун). Английское войско численностью до трех тысяч человек было разделено на два крыла, которыми командовали король и его брат. Этельред долго молился в своем шатре, и Альфред на свой страх и риск отдал приказ наступать. Как пишет Ассер, он, «подобно дикому кабану, отважно повел силы христиан на вражескую армию, хотя король еще не явился». После долгого боя один из двух датских конунгов был убит, что заставило скандинавов отступить и укрыться за стенами Рединга. Когда кончились припасы, им пришлось покинуть крепость и с боем пробиваться к оставленным на Темзе кораблям. По пути Альфред еще дважды сразился с ними, нанеся тяжелый урон.

В мае 871 года Этельред умер, и Альфред с общего согласия был провозглашен королем. Месяц спустя он снова сразился с датчанами при Уилтоне и на этот раз проиграл. Королевство было так ослаблено, что Альфреду пришлось заключить мир на условии уплаты дани. Уэссекские короли откупались от захватчиков со времен Этельбалда, но эта тактика приносила мало успеха – у викингов не было единого командования, и одни пираты вовсе не собирались соблюдать договор, заключенный другими. К тому же у них была теперь иная цель – захватить всю Англию вместе с ее богатствами. В 872 году они вторглись в Мерсию и за два года разорили ее почти целиком, вынудив короля Бургреда отречься от трона и бежать в Рим. Новым королем стал этелинг Келвульф, который во всем подчинялся захватчикам и даже согласился ради них отречься от христианства.

Весной 876 года армада викингов высадилась на побережье Уэссекса и двинулась навстречу сухопутным силам, которые в это время грабили Уорхэм. Однако скандинавов ждал неприятный сюрприз – за время передышки Альфред успел выстроить довольно сильный флот, который прижал пиратские драккары к берегу. Викингам пришлось заключить мир, поклявшись на священном браслете, что они никогда не вернутся в Уэссекс. Перезимовав на юге Англии, многие завоеватели уплыли искать добычи в других местах; среди них был и «морской король» Роллон, позже основавший герцогство Нормандию. Тем не менее на следующий год новая ватага пиратов дотла сожгла Эксетер.

По данным источников трудно понять, почему в начале правления молодого энергичного короля Англия оказалась в еще более трудном положении, чем при его менее активных предшественниках. Возможную причину открывают сообщения хроник, где говорится, что Альфред «не достаивал просителей приема и выслушивания их жалоб, не снисходил к слабым и почитал их за ничтожества». Образованный король, побывавший за границей, свысока относился к древним обычаям англосаксов и их учреждениям, включая «совет мудрых». Он мечтал об установлении единовластия по римскому образцу и придумывал нововведения, которые его подданные встречали с подозрением, видя в них покушение на свои исконные права. Такую версию выдвигали английские историки XIX века; возможно, она не вполне объективна, однако отчуждение между королем и народом в первые годы правления Альфреда имело место и стало главной причиной тяжелых поражений в борьбе с северными захватчиками.

В январе 878 года в уилтширском местечке Чиппенхэм на Темзе высадилось целое войско викингов во главе с тремя конунгами, старшим из которых был «морской король» Гутрум, или Гутторм. Численность захватчиков современные историки оценивают в 5 – 6 тысяч человек. Уилтшир, Хэмпшир и Сомерсет покорились почти без сопротивления; жители массово бежали в труднодоступные местности, оставляя на разорение свои дома и все имущество. Альфреду тоже пришлось покинуть столицу и укрыться в местечке Этельни среди сомерсетских болот. Там он несколько недель жил в хижине пастуха, от жены которого однажды получил нагоняй за подгоревшие лепешки – рассказ об этом увековечен хро-

нистами. Историк сокрушенно пишет о своем герое: «Он не имел ничего за исключением того, что он захватывал в частых набегах у язычников или получал от христиан, которые подчинились языческой власти». Однако не следует преувеличивать бедственное положение короля: с ним были десятки слуг и дружинников и ополченцы, собранные сомерсетским элдроменом Этельнотом.

Постепенно в Этельни собирались и другие разрозненные отряды англосаксов. Дух сопротивления окреп после удара, нанесенного англичанами по датчанам, которые в феврале высадились в Девоншире. По сообщению «Англосаксонской хроники», был перебит почти весь отряд из 800 человек вместе с конунгами Ингваром и Хальфданом; англичане захватили штандарт с изображением ворона, который викинги всегда защищали до последнего человека. В середине мая король нанес захватчикам неожиданный удар, напав на их ставку в Этандуне (нынешний Эдингтон). По легенде перед сражением он лично отправился на разведку в лагерь врага, переодевшись бродячим певцом. Историк XII века Вильгельм Малмсберийский пишет: «Не было ни одного секрета, который он не разузнал бы во всех подробностях при помощи своих глаз и ушей».

Вернувшись, Альфред разослал гонцов по окрестным деревням, созывая ополчение к Эгбертову камню в назначенный час, когда датчане, уверенные в своей безопасности, должны были крепко спать. Несколько тысяч ополченцев из Западного Уэссекса собрались по зову короля, который лично повел их на штурм земляных валов Этандуна. Лагерь был взят, а уцелевшие скандинавы заперлись в городе. После двухнедельной осады они согласились на переговоры. По условиям мира конунг Гутрум обязался принять крещение, что и было сделано три недели спустя в местечке Уэдмор. Крестным отцом викинга, получившего новое имя Этельстан, стал сам король. По условиям мира скандинавы получали во владение половину Англии к востоку от условной линии от Лондона до Честера. С тех пор эта область получила название «Денло», или «Датского права».

Историки до сих пор ломают голову, зачем Альфреду было нужно поступаться победой и заключать столь невыгодный мир. При этом забывается, что в руках скандинавов и так находилась почти вся Англия, а Уэссекс понес тяжелый урон в результате датского вторжения. Еще одного удара королевство могло просто не выдержать, и Альфред всеми силами старался обеспечить мирную передышку. Он вполне обоснованно сделал ставку на раскол среди захватчиков, надеясь, что Гутрум станет защищать свои владения от других северных пиратов. Первое время так и произошло: весной 879 года бывший пленник отправился на восток, занял Восточную Англию и провозгласил себя ее королем. Мерсия была разделена между Альфредом и Гутрумом. С этого времени Уэссекс оставался единственным независимым англосаксонским королевством, и объединение Англии под его властью становилось только вопросом времени.

Испытания минувшей войны изменили характер короля. Сохранив свои убеждения, он начал терпимей относиться к древним англосаксонским обычаям, научился находить общий язык со своими подданными разных наций и сословий. Доставшуюся ему часть Мерсии он отдал под управление потомку прежней династии Этельреду, дав ему в жены свою дочь Этельфледу. После смерти мужа в 911 году Этельфледа унаследовала его титул. Другие части королевства по-прежнему управлялись этелингами, но Альфред попытался более прочно подчинить их короне. Средневековые историки приписывают ему введение разделения Англии на шайры (графства) и хундреды (сотни). Хотя документов на этот счет не сохранилось, вполне возможно, что такое деление было введено королем в его новых мерсийских владениях. В каждый шайр назначался королевский чиновник – шайр-герофа, или, на современном языке, шериф. Его функции заключались в сборе налогов для казны и доведении до населения королевских указов. Сотни, весьма приблизительно включавшие по сотне домов,

общались с властью по принципу круговой поруки, отвечая за уплату налогов и соблюдение законов своими членами.

Альфред позаботился также об укреплении обороны. Он впервые создал нечто вроде постоянной армии, обязав местных танов посылать в укрепленные бурги отряды воинов, обеспеченных оружием и продовольствием. Была реорганизована и королевская дружина, в которую отныне набирали не выходцев из знатных родов, а молодых дворян, преданных королю. Другой важной мерой стало строительство флота – с помощью франкских и фризских мастеров были построены корабли, превосходившие драккары викингов по величине, хотя и уступавшие им в маневренности. К концу царствования Альфреда у англичан было около ста военных кораблей. Для поддержки флота на побережье строилась система бургов (крепостей), в память о которых в названиях многих английских городов осталось слово *borough*. Бурги отстояли друг от друга не дальше чем на 20 миль, и в случае опасности окрестное население могло укрыться за их укрепленными стенами.

Несколько лет королевство жило в мире, но в 884 году вражеские набеги возобновились. После Уэдморского мира часть армии викингов переправилась из Англии во французские земли, где продолжила грабежи. На обратном пути пираты высадились в Кенте и сожгли Рочестер. Альфред быстро снарядил армию, но враги уже сели на корабли и уплыли вместе с награбленным добром. Тогда король направил флот к берегам Восточной Англии, который в первом сражении захватил 13 вражеских кораблей. Однако на обратном пути викинги нагнали английский флот, который двигался медленно из-за обилия добычи, и пустили его на дно. В следующем году король сделал важный шаг на пути возрождения государства, заняв Лондон и восстановив городские укрепления. Бывшая столица Эссекса была отдана Этельреду Мерсийскому. Тогда же Альфред заключил договор о союзе с Эдвулфом, подчиненным скандинавам королем Нортумбрии. Возможно, он заключил мир с датскими правителями Йорка, которые не желали ссориться с могущественным государем. Несколько валлийских правителей также прислали к Альфреду своих послов, признавая его верховенство и соглашаясь платить ему дань.

На некоторое время в стране вновь установился мир, и король смог заняться тем, что давно волновало его, – возрождением образования, которое в то время находилось в плачевном состоянии. Набеги викингов уничтожили большинство монастырей, которые в то время были единственными культурными центрами. В одном из своих сочинений король с горечью писал: «Упадок был столь велик, что по эту сторону Хумбера почти не было тех, кто понимал бы слова церковной службы или мог перевести что-либо с латыни на английский... К югу же от Темзы, когда я взошел на трон, таких людей не было вообще». По этой причине Альфреду пришлось обратиться за помощью к чужеземцам, в том числе к кельтским монахам, образованность которых была широко известна. В его правление стена враждебности, разделявшая англосаксов и кельтов, впервые дала трещину. В 887 году король милостиво принял пилигримов из Ирландии и уговаривал их остаться в его владениях и организовать там школы.

Несомненно, епископ Ассер являлся одним из главных соратников Альфреда в делах просвещения, даже если биография короля не принадлежала его перу. Ассер был валлийцем и получил образование в известном монастыре Святого Давида, где его и нашли посланцы Альфреда, пригласившие ученого клирика в Англию. Около 885 года Ассер впервые прибыл в Англию и стал наставником короля, высоко оценившего его познания. Очевидно, на него была возложена деликатная задача идеализации королевского образа, с которой он блестяще справился – если все-таки принять на веру его авторство. «Жизнь Альфреда» делится на две части: краткую хронику событий в Англии за 849 – 887 годы и характеристику самого Альфреда. Биография ничего не сообщает о последних годах жизни короля; нет в ней и большинства популярных историй о его жизни, добавленных поздними историками. Незадолго

до смерти короля Ассер стал епископом Шерборна недалеко от своего родного Уэльса. По сообщению «Англосаксонской хроники», он умер в 909 году.

В созданном Ассером портрете черты святого и ученого явно преобладают над чертами воина и администратора, хотя последним также уделено значительное внимание. «Жизнь Альфреда» описывает деятельность короля в следующих словах: «Среди частых войн и прочих превратностей земной жизни, а также его собственных немощей плоти король продолжал заниматься делами управления, прилежно вникая во все области; он учил златокузнецов и всякого рода мастеров, охотников с соколами и ястребами, псарей; строил дома, которые благодаря его новым техническим изобретениям превосходили величием и прочностью все, что воздвигали его предшественники; вникал в саксонские книги и особенно стремился узнать саксонские стихи, побуждая и других изучать их».

О постройках Альфреда трудно сказать что-либо определенное. Несомненно, он перестроил столицу Винчестер, укрепив ее новым частоколом и каменными башнями. Новые укрепления были выстроены и в ряде других городов, включая Лондон. Королевские дворцы переносились в более удобные места и перестраивались с использованием камня. В строительстве принимали участие опытные каменщики, приглашенные с континента. Возможно, король внедрил на практике какие-то из описанных в книгах достижений античных строителей; это и имел в виду Ассер, говоря о его «изобретениях». В его правление было построено несколько монастырей, один из которых располагался в Этельни, на месте пастушьей хижины, где король когда-то нашел убежище. Монастыри были основаны также в Винчестере и Шефтсбери, причем аббатисой последнего стала королевская дочь Этельгива. За годы войн монашеская жизнь пришла в упадок, и Альфреду пришлось чуть ли не силой заставлять родителей отдавать своих отпрысков в монахи. Он заботился также об укреплении церковных кадров, выписывая монахов и священников из Франции, Ирландии и кельтских областей.

В 880-е годы при королевском дворце в Винчестере была основана школа, первыми учениками которой стали дети Альфреда. По словам Ассера, школьники учились «читать на обоих языках, а именно латинском и английском, а также писать, так что, когда приходила пора приступать к делам мужей – охоте и прочему, что подобает благородным, – они уже обретали познания в вольных искусствах». Английская церковь сильно пострадала от скандинавских набегов, поэтому преподавателей и ученых пришлось выписывать из-за границы – по словам того же Ассера, были приглашены «франки, фризы, бритты, скотты и прочие». Вскоре появилась возможность обучать в школе и детей эрлов, которые по старинному англосаксонскому обычаю воспитывались при дворе короля. Альфред «любил их всех не менее своих и наставлял во всех добрых делах, не уставая денно и ночно обучать их грамоте».

Примечательно, что в эпоху, когда во всех странах Европы обучение велось на латыни, Альфред планировал учить детей и взрослых на родном языке. На тот же язык он предлагал перевести церковную службу, чтобы она была понятна не только монахам, но и мирянам. Эту идею начал воплощать в жизнь еще Беда Достопочтенный, и теперь у нее нашелся новый авторитетный сторонник. Помимо Священного Писания король планировал перевести на англосаксонский язык четыре книги, необходимых, по его мнению, каждому грамотному человеку. В этот список входили «История против язычников» Орозия, «Церковная история» Беда, «Утешение философией» Боэция и «Пастырское правило» папы Григория I. Альфред сам занимался переводом этих книг, для чего в возрасте сорока лет выучил латынь. Вряд ли король самолично перевел все указанные сочинения – в предисловии к «Диалогам» того же папы Григория он говорит, что попросил перевести эту книгу своих друзей, одним из которых был епископ Вустера Верферт. Большинство ученых относят к переводам Аль-

Альфреда лишь «Пастырское правило» и «Утешение философией», но, вероятно, и в этом случае коронованный автор осуществлял только общую редакцию.

Переводимые сочинения король дополнял собственными размышлениями, отразившими его жизненное кредо. Вот что он писал в предисловии к сочинению Боэция: «Я никогда особенно не жаждал земной власти, но тем не менее пытался изыскать орудия и средства для решения поставленной передо мной задачи... Эти орудия и средства, с помощью которых король правит и обустроивает свои земли, таковы: он должен иметь людей, которые молятся, сражаются и трудятся. Еще он должен иметь средства для обеспечения этих трех видов людей: земли, дары, оружие, пищу, питье, одежду и все прочее. Без этих вещей он не сможет обеспечить себя орудиями, а без них не сделает того, что должен совершить. Поэтому я тщательно обдумывал способы применения власти, дабы мои способности и силы не были забыты и оставлены втуне; ведь любая способность и любая власть окажутся бесполезны, если их применять неразумно... Говоря кратко, я стремился жить достойно, пока живу, а после окончания жизни оставить тем, кто придет после меня, память о себе в добрых делах».

Помимо школы в Винчестере в правление Альфреда было основано еще несколько школ в других английских городах и монастырях. Одна из них находилась в Оксфорде, что позже дало повод объявить короля основателем знаменитого университета, хотя тот возник лишь в XII веке. Король сам написал несколько учебников для новых школ, а также «Энхиридион», или руководство для изучающих Священное Писание. В ученых трудах королю помогали приглашенные им из Мерсии архиепископ Кентерберийский Племунд и епископ Ветфрид, аббаты Гримбольт и Иоанн из Саксонии, бритт Ассер, ирландец Иоанн Скотт Эриугена. Главным критерием при назначении на высокие посты для Альфреда была не знатность, а деловые качества. Именно при нем началось возвышение многих знатных родов, а также всего сословия танов – мелкопоместных дворян, которых король старался защищать от произвола могущественных элдроменов.

Из всех наук Альфреда больше всего занимали история и география. Он приказал расспрашивать путешественников о дальних странах и записывать их рассказы, составившие написанное королем дополнение к сочинению Орозия. Среди многих упомянутых там земель значилась и «страна рохуасков», в которой некоторые ученые видят Русь. Сведения о ней Альфред получил от норвежца Оттара, который в своих странствиях добрался до Белого моря. Что касается истории, то король поощрял собирание знаний о прошлом, на основе которых начали составляться первые общеанглийские анналы – знаменитая «Англосаксонская хроника». С подачи короля составители хроники старались заменить местнический патриотизм английским. Исповедуя идею объединения острова в рамках одного государства, Альфред намного опередил свое время. Именно в его правление остров окончательно сменил свое имя – с тех пор во всей Европе его называли не Британией, а Англией.

Важным направлением деятельности короля являлось законотворчество. Он велел собрать и скопировать законы ранних англосаксонских правителей – Этельберта Кентского, Ине Уэссекского, Оффы Мерсийского. На их основе был составлен новый судебник – «Законы Альфреда». Во введении к нему король писал: «Я не решился добавлять от себя слишком много, поскольку не знал, что из этого будет одобрено теми, кто придет после нас». Судебник включал только основные виды преступлений, которые должен был судить королевский суд. Более мелкие проступки могли решаться судами графств на основе «здравого смысла»; именно со времен Альфреда в Англии ведет начало так называемое прецедентное право. По указу короля в каждом графстве начали создаваться суды с участием королевских чиновников и местных старейшин. Другой указ предоставлял иноземным купцам право свободно торговать в английских городах при условии уплаты пошлины в казну. При Альфреде в Англии возобновилась чеканка денег, сосредоточенная в бургах под контролем королевских чиновников.

Будучи искренне верующим, Альфред вложил немало средств в восстановление разрушенных викингами храмов и монастырей. С юности он часто молился и, услышав о каком-либо святом месте, обязательно стремился посетить его. Помимо богобоязненности для этого была и другая причина – король надеялся найти исцеление от некоей тяжелой болезни (возможно, эпилепсии), которая донимала его с юных лет. Ассер сообщает, что приступы этой болезни возобновились у Альфреда сразу после женитьбы и мучили его до сорока лет. Они прекратились только после того, как король совершил паломничество к часовне Святого Неота в Корнуолле. Повествуя об этом, Ассер исподволь доказывал преимущество кельтских святых над англосаксонскими. Несомненно, однако, что король не отличался хорошим здоровьем, хотя болезни никогда не вынуждали его забыть про дела. Король был необычайно деятелен для своего неторопливого времени. Его день делился на три равных части: одна посвящалась молитве, чтению и письму, другая – правосудию, а третья – сну, еде и прогулкам. К обычным забавам знати – охоте и пирам – король оставался равнодушен, то ли из благочестия, то ли по причине упомянутой болезни.

В 893 году скандинавы снова обрушились на Англию. Флот прославленного вождя викингов Хастинга, изгнанный из Германии королем Арнульфом, поднялся вверх по Темзе, разоряя все на своем пути. К тому времени крестник Альфреда Гутрум скончался, и скандинавы Восточной Англии, забыв про свои клятвы, присоединились к нападавшим. Борьба с ними заняла несколько лет. Эскадра Хастинга была разбита Этельредом Мерсийским у Баттингтона и вернулась в Эссекс. Тем временем другой флот нортумбрийских датчан высадился в Уэссексе, и Альфреду пришлось двинуться туда, чтобы защитить Эксетер. Часть скандинавов смогла закрепиться в Честере и весной 895-го снова напала на владения короля. Ход событий в течение следующих трех лет известен мало. Хроники говорят о многочисленных сражениях на суше и на море; похоже, война в этот период охватила почти всю Англию. Однако положение теперь было в корне иным, чем в начале скандинавских набегов. Жители уже не проявляли паники и растерянности; они чувствовали себя гражданами сильного государства, способного защитить их. Жители многих городов и деревень, включая Лондон, отважно вступали в бой с датчанами и не раз обращали их в бегство.

К лету 897 года силы захватчиков иссякли. Английская армия стояла у стен Йорка, многие морские пираты бежали в Скандинавию или искали убежища в Восточной Англии. Военные действия на суше прекратились, но на этот раз Альфред не стал заключать мир – события прошедших лет показали, что на клятвы викингов полагаться нельзя. Флот короля еще долго охотился за отдельными кораблями врагов, по очереди захватывая их и вешая команду на мачтах. Приказ об этом отдал сам король, и это было единственное известное нам проявление жестокости с его стороны. До этого он всегда миловал пленных и даже велел отослать к отцу двух сыновей Хастинга, после того как тот вероломно нарушил договор. Очевидно, теперь король решил, что только насилие может образумить пиратов, и оказался прав – вплоть до его смерти набеги не возобновлялись.

Победа досталась дорогой ценой. «Англосаксонская хроника» пишет: «Слава Богу, враг не уничтожил целиком английскую нацию, но она за эти годы оказалась ослаблена еще более мором среди скота и людей, и тогда же умерли многие из видных приближенных короля». Сам король в последние годы жизни часто болел и сделался еще более религиозным. Именно тогда он велел возобновить уплату десятины церкви, хотя страна еще не оправилась от вторжения. Неизвестна и точная дата смерти Альфреда – разные источники называют 26 октября 899 года, 26 октября 900 года или 28 октября 901 года, хотя первая дата кажется наиболее вероятной. Спустя три дня после смерти король был похоронен в Ньюминстерской церкви Винчестера. Возможно, разницей с датами произошел из-за того, что он еще при жизни передал власть сыну Эдварду, а сам устранился от дел. Кроме Эдварда его сыновьями были Этельверд и умерший в младенчестве Эдмунд. Из дочерей Альфреда

Этельфледа стала королевой Мерсии, Эльфрита вышла замуж за графа Фландрии Балдуина II, а Этельгива сделалась аббатисой Шефтсбери.

Из портретов Альфреда до нас дошли только изображения на монетах, на которых почти невозможно что-либо разобрать. На миниатюрах из сборника законов XIV века нарисован условный король – бородатый, в длинной рубахе, мантии и короне. В таком виде Альфред запечатлен и на известном памятнике, воздвигнутом в Винчестере к тысячелетию со дня смерти монарха. Без сомнения, он на самом деле носил бороду и одевался на манер каролингских королей – длинная подпоясанная рубаха, плащ, который закалывался на левом плече, штаны, сапоги из мягкой дубленой кожи. А вот корону надевал лишь на торжественных церемониях – в обычное время ее заменяли расшитая бисером шапочка или шлем военачальника. Исходя из сведений Ассера, потомки часто представляли Альфреда болезненным ипохондриком, страдающим чрезмерной религиозностью. Современные ученые считают, что этот образ далек от истины – уж слишком он расходится с реальной картиной кипучей деятельности короля-основателя, проводившего не меньше времени в военных походах, чем в тиши ученых занятий.

Ставший королем после смерти Альфреда Эдвард Старший столкнулся с теми же проблемами, что и его отец. Скандинавы решили, что после смерти грозного противника их некому будет остановить, и возобновили свои набеги. Уже в 902 году их флот напал на побережье Кента, но был отбит. Положение осложнялось интригами принца Этельвальда, который строил козни против брата, а заодно увез из монастыря молодую монахиню, на которой собрался жениться. Когда епископы запретили ему это, принц бежал в Нортумбрию, где получил от викингов титул короля Берниции. В 905 году он появился в Восточной Англии и убедил ее скандинавского короля Эйрика отправиться в поход на Мерсию. Флот датчан поднялся по Темзе до Брэйдона, где столкнулся с армией короля Эдварда. В сражении победили викинги, но возмутитель спокойствия Этельвальд был убит.

Новая война разразилась в 911 году, когда скандинавы попытались захватить английскую часть Мерсии после смерти короля Этельреда. Однако титул покойного унаследовала его супруга Этельфледа, которая еще до подхода основных сил англичан нанесла врагам поражение. Датчане были изгнаны из пяти городов Линкольншира, и все это графство – древнее королевство англо-линдсей – присоединилось к Мерсии. В 918 году Этельфледа умерла, и все ее земли окончательно вошли в состав Англии. В июле 924 года скончался и король Эдвард. От трех жен – дочерей знатных эрлов Эгвины, Эльфеды и Эдгивы – у него было 17 детей, в том числе шестеро сыновей. Такое обилие наследников сулило династические смуты, и они в самом деле начались. Сразу после смерти отца старший брат Элфверд объявил себя королем, но витанагемот отказался его признать. Неделью спустя Элфверд бежал из столицы, а королем стал его 30-летний брат Этельстан. Позже престол достался еще двум сыновьям Эдварда, а другие двое – Эдвин и Эгберт – умерли в юности. Две дочери короля – Эдгита, или Эдит, и Эдбурга – стали монахинями и позже были возведены в сан святых. Еще одна дочь, Эдгива, стала женой первого германского императора Оттона I, а Эдхильда – женой парижского графа Гуго Великого, основателя династии Капетингов.

Этельстан, в отличие от деда, не отличался склонностью к наукам, но был храбрым и деятельным королем. Его звездный час настал в 937 году, когда в Англию вторглось десяти-тысячное войско шотландцев, скандинавов и северных бриттов под командованием короля Йорка Олафа. Решающее сражение состоялось к северу от Хумбера, в местечке Брунанбург; оно длилось с утра до вечера и стало одной из самых кровавых битв в истории Британии. К вечеру англичане во главе с Этельстаном сломили сопротивление врагов, почти вся армия которых была загнана в лощину и вырезана. Об этом повествует одна из самых известных англосаксонских баллад «Битва при Брунанбурге». Баллады на эту тему сложили и шотландцы с валлийцами, которые оплакивали своих павших героев. После поражения Шот-

ландия признала себя вассалом Этельстана. То же сделали кельты Уэльса и Корнуолла. По-видимому, власть короля признавали и датчане Нортумбрии, и его можно считать первым монархом объединенной Англии.

В октябре 939 года Этельстан умер бездетным, и его сменил 18-летний Эдмунд, сын Эдварда от третьей жены, бывший прежде элдорменом Мерсии. За свое недолгое царствование он успел одержать две крупных военных победы – над бриттским королем Стрэтклайда Дональдом и над датским королем Йорка Олафом. За поражением последнего в 944 году последовало присоединение Нортумбрии к Англии. Правда, Эдмунд поклялся не лишать живших там скандинавов земли и имущества, а их ярлов приравнял в правах к английской знати. Молодой король был храбр, хорош собой и вполне заслужил прозвище Великолепного. Первая жена Эльгива родила ему двух сыновей – Эдви и Эдгара, после чего удалилась в монастырь и позже была объявлена святой. Похоже, король просто отослал ее прочь, чтобы жениться на своей любовнице – дочери уилтширского элдормена Этельфледе, у которой уже была дочь от предыдущего брака. Смерть Эдмунда I была неожиданной и трагичной. В мае 946 года он был приглашен на пир, устроенный лордами Глостершира. Сидя за столом, он увидел напротив себя разбойника Леофа, бежавшего несколько лет назад от королевского суда. Эдмунд тут же бросился на него, и разбойник, недолго думая, нанес ему смертельный удар кинжалом.

Наследником короля стал последний из сыновей Эдварда, 23-летний Эдред. Несмотря на плохое здоровье, он провел свое правление в постоянных войнах. В 948 году изгнанный из Норвегии конунг Эйрик Кровавая Секира захватил Йорк и начал готовить поход на Англию. После ряда пограничных стычек Эдред в 954 году повел на Йорк королевскую армию и взял город штурмом. Нортумбрия вновь, на этот раз окончательно, стала английской. Эйрик со своими дружинниками ушел в море и начал нападать на английские берега, но во время одной из стычек был убит вместе с пятью вождями викингов. Занятый военными делами, Эдред доверил управление королевством своим советникам, в первую очередь амбициозному аббату Гластонбери Дунстану.

В ноябре 955 года Эдред неожиданно скончался во время поездки в Сомерсет. Его преемником стал 14-летний племянник Эдви, получивший прозвище Красивый. Красота сослужила юному королю плохую службу – в него влюбилась его двоюродная сестра Эльгива. По каноническому праву брак между родственниками запрещался, и аббат Дунстан резко воспротивился союзу молодых людей. Сразу после коронации в Кингстоне король хотел поехать к невесте, но Дунстан и архиепископ Кентерберийский Одо довольно грубо вынудили его отправиться на праздничный пир. Эдви затаил злобу и вскоре потребовал у Дунстана отчета по делам управления за все время правления Эдреда. Аббат не смог или не захотел дать такой отчет и бежал во Фландрию, спасаясь от королевского суда.

В 957 году церковь призвала народ и лордов к восстанию против короля. Большая часть страны отпала от Эдви, признав королем его младшего брата Эдгара. Эдви был вынужден согласиться на изгнание Эльгивы и выдать ее слугам архиепископа Одо, которые заклеили ей лицо каленым железом. После этого королева была выслана в Ирландию, но бежала оттуда и попыталась пробраться к мужу. В Глостере ее опознали и подвергли таким жестоким истязаниям, что несколько дней спустя она умерла. О дальнейших событиях источники говорят глухо. Известно, что Эдви скончался в том же Глостерском замке 1 октября 959 года. Вероятнее всего, он был убит.

Королем стал брат покойного, 16-летний Эдгар, который до этого был элдорменом Мерсии и Нортумбрии. Он проводил разумную политику и сумел без войны присоединить к Англии богатую область Лотиан, которая почти три века принадлежала шотландцам. Он сделал своими вассалами королей Южного Уэльса, заставив их ежегодно выплачивать дань в 300 волчьих шкур. Этот странный налог был призван сократить число хищников, от кото-

рых страдали не только валлийцы, но и английские фермеры. Эдгар пожаловал много денег и земель церкви, непрестанно молился и посещал святые места, основал до 40 бенедиктинских монастырей. К ордену бенедиктинцев принадлежал святой Дунстан, который стал ближайшим советником короля и вторым человеком в стране. В 959 году после смерти Одо он сделался архиепископом Кентерберийским.

Войн при Эдгаре почти не было, и короля прозвали Миротлюбивым. Однако в его жилах тоже текла буйная кровь Эдмунда. Сначала он женился на дочери элдормена Этельфледе, от которой у него родился сын Эдвард. Потом при живой жене увез из монастыря юную монахиню Вулфтриту, родившую ему дочь Эдгиту. Узнав об этом, аббат Дунстан заставил короля семь лет нести церковное покаяние и на все это время запретил ему надевать корону. Вулфтриту отослали обратно в монастырь вместе с ее дочерью, которая после стала аббатисой и была причислена к лику святых. Но Эдгар был неисправим – через несколько лет он женился на молодой вдове Эльфриде, которая, по отзывам современников, отличалась не только красотой, но и коварством и делала все, чтобы корона досталась ее сыну Этельреду в обход законного наследника.

В июле 975 года Эдгар умер в Винчестере, и королем был провозглашен его 12-летний сын Эдвард, или Эдуард II. В правление этого юноши феодальная знать значительно усилила свое влияние и отобрала у церкви часть земель, пожалованных Эдгаром. К тому времени среди сословия эрлов выделилась прослойка «господ» – глафордов, или лордов, которые владели обширными поместьями и сотнями зависимых людей. Многие свободные крестьяне и рядовые эрлы в поисках безопасности отдавались под покровительство глафордов, пополняя ряды их клиентов. Глафорды и элдормены областей всячески противились укреплению королевской власти. Смерть Дунстана в 977 году окончательно развязала руки феодалам, которые готовились устранить еще одну досадную помеху – юного короля. Воспитанный Дунстаном, он был набожным и проявлял склонность к учебе, в то время как принц Этельред интересовался лишь играми и охотой. Его прозвище *Unready*, которое по-русски часто переводится как «Непослушный», на самом деле означало «Неспособный» и правдиво описывало этого слабого правителя, ставшего марионеткой в руках властолюбивой матери и близких к ней лордов.

Самыми активными участниками заговора были королева Эльфрида и молодой мерсийский эрл Кильд Элфрик. В марте 978 года они пригласили короля погостить в замок Корф в Дорсете. Заманив Эдварда в ловушку, Элфрик со слугами коварно убил его, объявив, что король разбился, упав с лошади. Новым монархом тут же был провозглашен Этельред II, царствование которого было полно несчастий. Голод, эпидемии и вторжения чужеземцев сменяли друг друга, заставляя англичан бросать свои дома и скитаться по стране в поисках спасения. В начале правления Этельреда всей властью обладали его мать и ее любовник, элдормен Мерсии Элфхер. Молодой король по-прежнему интересовался только пирами и охотой; его женили на дочери элдормена Эльфледе, которая родила ему 13 детей. Тем временем датчане все чаще устраивали набеги на британские берега и готовили силы для нового крупного вторжения.

Этельред приблизил к себе льстецов и подхалимов, неспособных эффективно управлять государством. На совете 992 года они рекомендовали королю предложить датчанам деньги, которые прежде тратились на охрану побережья. Огромная сумма в десять тысяч фунтов серебра была обещана завоевателям за то, чтобы они больше не грабили английские берега. Викинги с готовностью взяли деньги, но вскоре решили вернуться за новой суммой. Весной 994 года громадный скандинавский флот во главе с королем Дании Свеном Виллобородым и норвежским королем Олафом Трюгвассоном появился в устье Темзы и осадил Лондон. Другой флот вошел в Хумбер, и к нему тут же присоединились все скандинавы, жившие в Нортумбрии. На этот раз Этельред выплатил северянам 16 тысяч фунтов серебра.

Кроме этого они получили право селиться во всех городах Англии и торговать там наравне с местными жителями. На новом месте скандинавы держали себя высокомерно и всячески третировали англосаксов, что вызвало массовую ненависть к ним со стороны населения.

В 1002 году, когда королевская власть немного окрепла, король и его совет попытались радикально решить датскую проблему. Во все города были отправлены гонцы с приказом перебить в день святого Бриса (13 ноября) всех датчан, «возросших в Англии, как племелы меж пшеницей». В назначенный день были убиты тысячи скандинавов, в том числе и сестра короля Свена Гуннхильд, просватанная за сына Этельреда. Северные области, где скандинавы составляли большинство населения, тут же восстали против королевской власти. Им на помощь явился большой датский флот, с которым прибыл плывавший мстью Свен Вилобородый. В короткий срок датчане захватили весь юго-восток Англии до самого Саутгемптона. Этельред не принимал никаких мер по отражению нападения, предпочитая регулярно откупаться от захватчиков деньгами. Сумма этих «датских денег» постоянно росла, дойдя до 48 тысяч фунтов серебра. Королевская казна давно опустела, и для добычи средств приходилось облагать народ новыми, все более тяжкими податями. В 1010 году Свен вернулся в Данию, но его сменил конунг йомсборгских викингов Торкиль. Его воины захватили устье Темзы и устроили там свой лагерь. В следующем году они разграбили Кентерберии увели в плен архиепископа Элфega. Когда тот отказался заплатить громадный выкуп, язычники-викинги подвергли его страшным пыткам, а затем убили.

Пользуясь ослаблением Англии, валлийские и шотландские правители отказались от вассальных обязательств по отношению к ней и начали совершать набеги на пограничные английские земли. Со всех сторон обложенный врагами, Этельред начал искать новых союзников и вступил в переговоры с герцогом Нормандии Рикардом. В 1002 году он отправил прежнюю жену в монастырь и женился на юной Эмме, дочери герцога. Вместе с ней Ла-Манш пересекли воинственные нормандские бароны, на которых король пытался опереться в борьбе против датчан и непокорной знати. Эмма родила королю двух сыновей, одним из которых был Эдуард Исповедник – последний представитель древней Уэссекской династии.

Пытаясь продемонстрировать силу, Этельред лишил владений нескольких элдорменов. Недолго думая, обиженные представители знати перешли на сторону датчан и пригласили их короля в Англию. Осенью 1013 года Свен с войском высадился в Дувре, вынудив короля с семьей бежать в Нормандию. Уже готовилась торжественная коронация, когда Свен в феврале 1014-го упал с лошади и сломал шею. Узнав об этом, Этельред быстро сел на корабль и вернулся в страну, объявив о прощении всех изменников. Но идиллия продолжалась недолго – уже осенью 1015-го сын и наследник Свена Кнут Датский высадился в Англии с войском. Против него храбро сражался старший сын короля Эдмунд, прозванный за твердость в бою Железнобоким. Однако элдормены один за другим переходили на сторону датчан. Армия Кнута уже подступала к Лондону, когда в апреле 1016-го неудачливый король умер или был отравлен. Витанагемот впервые в истории разделился пополам – часть его членов в Лондоне провозгласила королем Эдмунда, другая часть в Саутгемптоне высказалась за Кнута.

25-летний Эдмунд проявил не только храбрость, но и рассудительность – встретившись со своим соперником в Олни, он согласился уступить Кнуту бывшую область «датского права». Тот согласился, но уже через несколько недель лорды отравили короля и пригласили Кнута в Лондон. Двое юных сыновей покойного – этелинги Эдвард и Эдмунд – были увезены в Данию и добрались до самой Руси, где несколько лет прожили в гостях у князя Ярослава Мудрого. Сын Эдварда Эдгар позже вернулся в Англию и попытался предъявить права на трон после смерти своего дяди Эдуарда Исповедника. Однако он не получил поддержки знати и вскоре окончательно канул в безвестность. Что касается сыновей Этельреда, то они много лет провели в Нормандии и прониклись местными обычаями настолько, что говорили по-французски лучше, чем на родном языке.

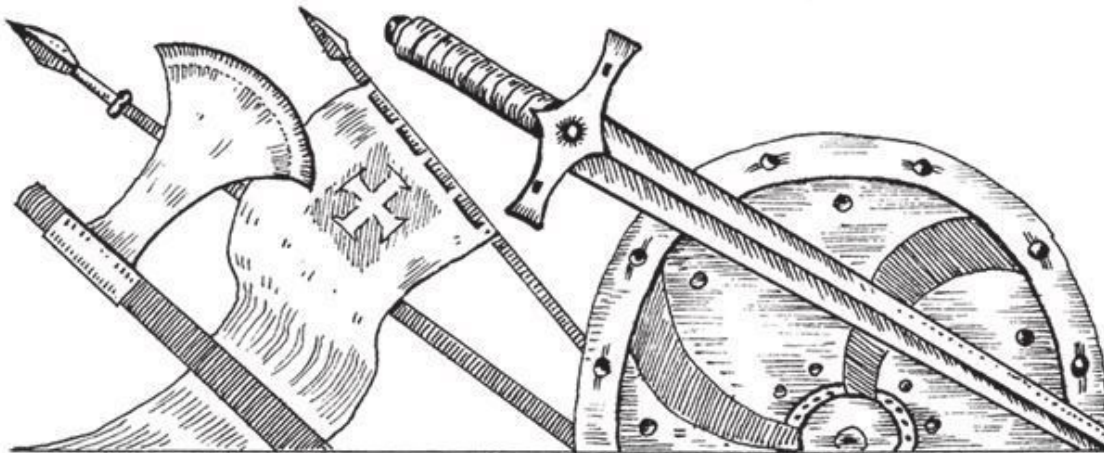
В начале 1017 года Кнут был коронован в лондонском соборе Святого Павла. Именно при нем Лондон окончательно превратился в столицу Англии – датские короли были теснее связаны с этим восточным портом, чем с родовыми вотчинами уэссекских королей на западе. К тому времени Кнут стал королем не только Дании, но и Норвегии, создав на берегах Северного моря громадную морскую державу. Он быстро и жестоко подавил сопротивление сторонников прежней династии, спалив дотла несколько лондонских кварталов. Не питая доверия к англосаксонским элдорменам, предавшим Этельреда и Эдмунда, Кнут лишил их владений, а некоторых приказал тайно убить. К тому же он продолжил взимать с населения «датскую подать», которая достигла невиданной суммы – 72 тысячи фунтов.

Однако Кнут оказался не жестоким разрушителем, какими англичане привыкли видеть скандинавов, а мудрым политиком, всячески укреплявшим государство. Он созвал в Оксфорде совет, который принял законы, обеспечивавшие справедливый суд представителям всех сословий, как скандинавам, так и англосаксам. Король приближал к трону знатных англичан, поощряя межнациональные браки. Сам он первым браком был женат на Эльгиве, дочери элдормена Дейры, а вторым – на Эмме, вдове злополучного Этельреда. Король опирался на нескольких крупных лордов, особенно на Год-вина, которого он сделал эрлом Уэссекса. Однако он не особенно доверял феодалам и пытался сделать ставку на церковь и города. Продолжив политику Эдгара, он пожаловал церкви новые земли и выделил средства на постройку соборов и монастырей. В 1026 году король совершил паломничество в Рим, взяв с собой ведущих английских епископов. Важные привилегии были дарованы городской верхушке, и торговля в правление Кнута заметно оживилась.

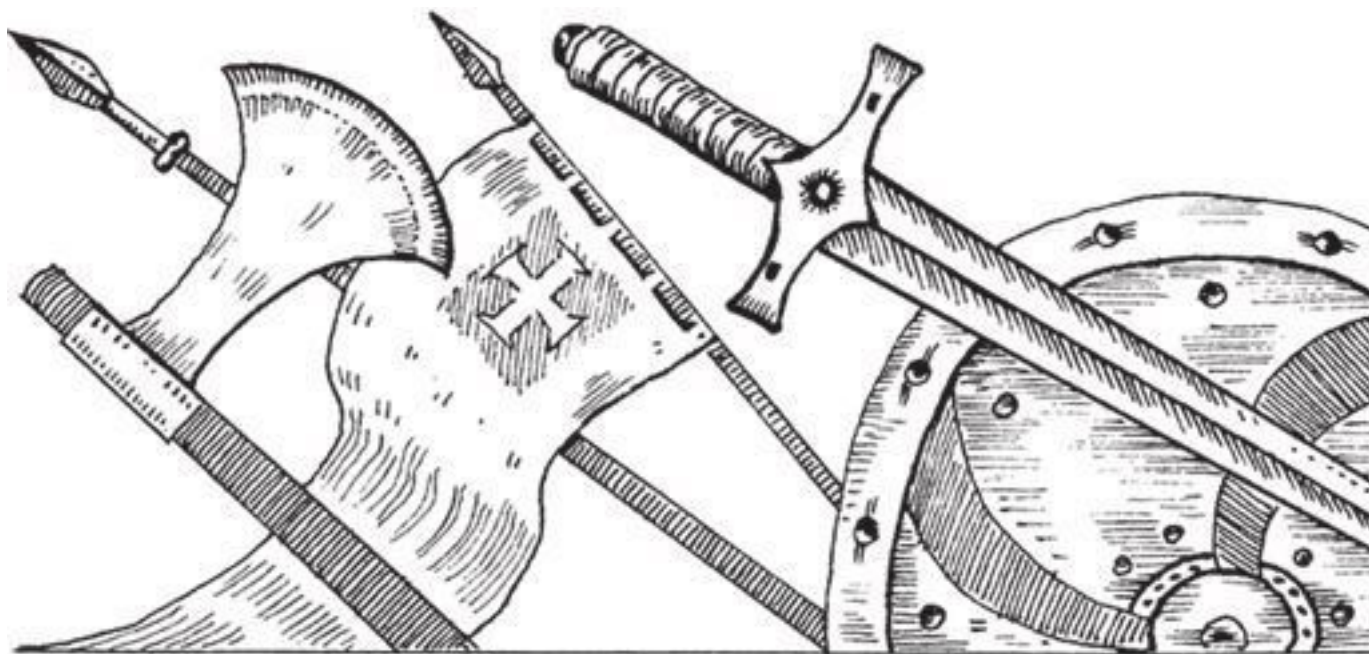
Король неожиданно умер в ноябре 1035 года, едва дожив до сорока лет. Это вновь поставило королевство перед лицом раскола – на престол претендовали сыновья короля от двух жен, 19-летний Гарольд и 16-летний Гартакнут (Хардакнут). Кнут объявил своим наследником младшего из них, но тот задержался в Норвегии, которая подняла восстание против датской власти. Пользуясь этим, Гарольд сместил брата и отправил в изгнание его мать Эмму, которая пыталась защитить права сына. О Гарольде можно сказать только то, что его прозвали «Заячья Нога» – по всей видимости, из-за любви к охоте. Позже хронисты возвели на него обвинения – возможно, ложные – в отступничестве от христианства и возвращении к вере предков-викингов. Утверждалось, что в часы церковных служб он с друзьями отправлялся на охоту или садился пировать.

В 1040 году король умер или был отравлен. Вернувшийся из-за моря Гартакнут велел выкопать тело брата из могилы и бросить его в Темзу. Другой брат Свен провозгласил себя королем Дании, и Гартакнут начал готовить поход против него. Для снаряжения флота население было обложено тяжелыми налогами, что вызвало общее недовольство. Жители Ворчестера возмутились и убили сборщиков налогов; тогда король приказал сжечь город. Возмущенные представители знати отправили послов в Нормандию, предлагая этелингу Эдуарду занять трон. Вскоре король внезапно скончался прямо за пиршественным столом. Скорее всего, его тоже отравили. 8 июня 1042 года Эдуард был объявлен королем, но Уэссекская династия вернулась ненадолго. В Англии наступали новые времена.

Завоеватель. Вильгельм I

Туман-

осенним утром 1058 года Ги, правитель графства Понтье в Северной Франции, получил приятное известие. Его рыцари, объезжавшие берег Ла-Манша в поисках пиратов, нашли выброшенную на берег ладью под английским флагом. Среди гревшихся у костра матросов выделялся высокий мужчина лет сорока с горделивой осанкой, в расшитой золотом одежде – эрл Гарольд, шурин короля Англии Эдуарда и фактический правитель королевства. Граф немедленно отдал приказ задержать пассажиров ладьи, а самого Гарольда заключить в темницу замка. В те времена еще действовал «морской закон», дававший владельцу побережья право распоряжаться всем, что выбрасывало море. Но граф Ги не собирался продавать знатного пленника в рабство или отбирать у него золотое кольцо с рубином, подарок короля; у него были другие планы. Он знал, как нужен Гарольд его сюзерену, герцогу Нормандии Вильгельму, и немедленно отправил гонца в Руан.

Ожидания графа не обманулись. Уже на другой день герцог с небольшим отрядом приехал в замок и, не притронувшись к приготовленному угощению, прямым ходом напра-

вился в темницу. О чем он говорил с Гарольдом, осталось тайной, но в результате эрл дал торжественную клятву защищать интересы Нормандии при английском дворе, а после смерти Эдуарда содействовать избранию королем Вильгельма. Только после этого ему вернули корабль и позволили продолжать путь. Эту историю рассказывают почти все хронисты тех времен, но ученые давно уже сомневаются, случилась ли она на самом деле. Известно, что летом 1058 года Гарольд совершил паломничество в Рим и на обратном пути потерпел крушение у берегов Франции. Все прочее остается на совести хронистов и самого Вильгельма, а он, как показывают факты, хоть и высоко ставил рыцарскую честь, но был не прочь поступиться ею в интересах дела.

Как бы то ни было, когда 5 января 1066 года истомленный постами и молитвами Эдуард Исповедник скончался, на английский трон реально претендовали два человека – эрл Гарольд и герцог Вильгельм. С первым все было ясно: он, а до него его отец эрл Годвин давно уже твердой рукой управляли страной, умудряясь кое-как держать в повиновении и непокорную саксонскую знать, и осевших в Англии викингов. Годвин возвысился благодаря Кнуту Великому, который отнял власть у законной Уэссекской династии. Верой и правдой эрл служил чужеземцам, помогая им расправляться с непокорными. В 1036 году он обманом заманил в свои владения этелинга Альфреда, сына короля Этельреда. Ничего не подозревавший юный принц был схвачен прямо на пиру, которым его угощал Годвин. Его спутников продали в рабство, а его самого доставили к датскому королю Англии Гарольду, который велел ослепить Альфреда. Операцию проделали так неумело и жестоко, что через два дня принц умер.

Но в живых оставался еще один сын Этельреда – 33-летний Эдуард, который обосновался в Нормандии. В 1042 году, воспользовавшись раздорами среди датчан, он высадился в Дувре. В самый ответственный момент эрл Годвин перебежал на сторону претендента, что обеспечило последнему победу. Став королем, Эдуард возвысил Годвина и его многочисленную родню – они получили в управление чуть ли не половину земель королевства, и, кроме того, счастливый победитель женился на дочери Годвина Эдгите. Она вряд ли была довольна браком, поскольку после победы над датчанами благочестивый Эдуард дал Богоматери обет не касаться женщин. Но Годвина и его сыновей такое положение дел вполне устраивало: оно означало, что у короля не будет наследников и трон перейдет к их семейству.

Их планам, однако, мешали норманны. Это были уже не те норманны, которые за сто лет до того опустошали берега Европы. Если в Англии и тем более в Ирландии морские разбойники еще долго сохраняли обычаи старины, то в более развитой Франции их ждала другая участь. Получив на рубеже IX и X столетий несколько чувствительных ударов от французских королей, самые дальновидные предводители викингов решили отказаться от морского разбоя и приобрести себе владения в каких-нибудь плодородных краях. Уже в 911 году один из их ярлов, Роллон, или Рольф, сумел заключить с королем Франции Карлом III Простоватым соглашение в Клерсюр-Эпт. По условиям договора Роллон получал богатейшую область Северной Франции, а за это обязался защищать морские берега от других викингов и главное – помогать королю против его соперников из дома Робертинов, будущих Капетингов. Правда, гордому ярлу пришлось принести оммаж королю, и он вознаградил себя чисто скандинавской шуткой. Склонившись перед Карлом в поклоне, дюжий викинг притворился, что потерял равновесие, ухватил короля за ногу и повалил на пол. Но это было только начало. Очень скоро новоявленный герцог перестал помогать Карлу, а его наследники вообще перешли на сторону Робертинов и помогли им в 987 году занять французский престол.

Новое герцогство получило имя Нормандии, но чаще его называли «пиратской страной». Викингам трудно было отказаться от старых привычек, и еще долго путешественники и торговцы обходили нормандские берега далеко стороной. Но уже через два поколения

положение изменилось. Норманнская знать кормилась войнами и грабежами, и ей не нужно было драть три шкуры со своих подданных. К тому же скандинавы не утратили еще традиций родовой демократии и охраняли права не только свободных землевладельцев, но и горожан. Что касается феодалов, даже самых мелких, то они ревниво оберегали свои привилегии от герцога и его графов, а уж о короле Франции даже не вспоминали. Отвага викингов соединилась в них с французской живостью, германская воинственность – с латинской горделивостью; так возникла «гремучая смесь» нормандского рыцарства, которое столетиями было первым во всех рискованных предприятиях, будь то завоевание Британских островов или Крестовые походы.

Когда нормандцы закрепились на новой родине и пустились на покорение новых земель, они уже были не скандинавами, а французскими, точнее, северофранцузскими феодалами. Французский язык, в котором «застряло» лишь несколько северных слов, французские моды и кушанья и, наконец, французский социальный строй – вот что несли они во все завоеванные страны, будь то Сицилия, Палестина или Англия. Одерживать победы им помогала новая военная тактика, сочетавшая французские и скандинавские черты. Главной военной силой нормандцев была тяжелая рыцарская конница, которая обычно наступала развернутым строем. Наряду с этим большое значение придавалось легким отрядам лучников и копьеметателей, которые начинали бой, а позже атаковывали противника на флангах. Лучшим в Западной Европе был нормандский флот; в него входили не только обычные ладьи викингов, вмещавшие 40 – 60 человек, но и большие корабли, позволявшие быстро перебрасывать значительные силы. Что касается рыцарских замков, ставших «визитной карточкой» нормандцев в Англии, то их заимствовали у французов. Сами скандинавы долго жаловались на холод в каменных покоях замков, которые обогревались лишь скудным теплом каминов. Но в условиях постоянных войн замки выручали куда лучше, чем традиционные скандинавские усадьбы с деревянным частоколом.

Войны в то беспокойное время вспыхивали постоянно. Вплоть до XII века нормандским баронам позволялось вести частные войны друг с другом по любому поводу, а то и без оного. Порой эти усобицы захлестывали и герцогский дворец: один из опекунов юного Вильгельма был заколот на его глазах, а ему самому не раз приходилось прятаться от буйных баронских шаек в крестьянских домах. Как и другие правители того времени, герцоги искали поддержки у тех сил, которым была невыгодна феодальная вольница. Прежде всего это были города и церковь. Правда, первые в XI веке еще не имели реальной силы, но ни в Нормандии, ни в завоеванной позже Англии герцоги не упускали случая пожаловать привилегии торговым и ремесленным центрам. Предки Вильгельма быстро поняли значение торговли: ведь через их владения проходили торговые пути, соединявшие Южную Европу не только с Англией, но и с балтийским побережьем. На привозном сырье работали ткачи, оружейники, ювелиры, богатели города, включая герцогскую столицу Руан.

XI век стал в Нормандии временем возрождения церкви, изрядно пострадавшей от скандинавских набегов. Справедливо видя в церкви своего помощника в борьбе с рыцарским своеволием, все герцоги считали своим долгом богато одаривать храмы и монастыри. Аббатства Фекан, Сен-Вандриль, Жюмьеж превратились в крупнейших землевладельцев. Но в обителях не только молились и подсчитывали доходы; там иллюстрировали книги, вели хроники, занимались наукой. В 1042 году в Бекском монастыре юный богослов Лан-франк из Павии основал первую в Нормандии грамматическую школу; позже его ученики вновь зажгли в Англии факел просвещения, почти погашенный веками набегов и распрей.

Таковы были три канала проникновения нормандцев на Британские острова – военная помощь, торговля и церковь. Еще в 1002 году герцог Ричард I, внук старого пирата Роллона, выдал дочь Эмму за короля Этельреда Непослушного. Вместе с ней в Англию явились нормандские придворные, нормандские торговцы, нормандские священники. Однако позже

Этельред умер, и Англия вместе с Эммой досталась Кнуту Датскому. Нормандцев изгнали, но они вернулись при Эдуарде Исповеднике, который прожил при руанском дворе 28 лет и даже начал забывать родной язык. Французские рыцари помогли ему захватить власть, и он доверил им охрану побережья и по некоторым сведениям разрешил построить крепости в Дувре и других местах. Среди знатных англосаксов распространялась тяга к роскоши, и они все чаще приглашали к себе нормандских купцов и ремесленников; особенно большая их колония возникла в Херефорде у племянника Эдуарда, графа Ральфа. Всем этим был недоволен эрл Годвин, который не без оснований видел в заморских пришельцах угрозу своему положению. Бывший слуга датчан сделался отчаянным патриотом, выступавшим за чистоту англосаксонских обычаев.

Однако король Эдуард недолюбливал выскочку-эрла, виновного в гибели его брата Альфреда. В 1051 году под каким-то предлогом Годвин и его сыновья были лишены владений и высланы из Англии. За время их отсутствия нормандцы еще больше укрепили свое влияние. Достаточно сказать, что все главные посты в английской церкви оказались заняты нормандскими епископами, которые были куда грамотнее и красноречивее своих британских коллег. Однако на военных и административных должностях нормандцев было мало, что сослужило им плохую службу. Через год Годвин возвратился, и на его сторону встали все англосаксы, недовольные засильем чужаков. Король и его друзья-нормандцы не могли ничего сделать; под давлением национальной партии Эдуард издал указ о высылке «всех франков, которые подняли бунт, нарушили закон и замыслили зло против королевства». Среди изгнанных был и архиепископ Робер де Шампар; не успевшие бежать были перебиты или брошены в тюрьмы, а их имущество досталось королю, а точнее – эрлу Годвину. Но демократические традиции у англосаксов еще были сильны: на вершине власти временщика противники смогли возобновить против него дело, связанное с убийством этелинга Альфреда. Годвин решил довериться Божьему суду, и это оказалось для него роковым; произошел известный случай, описанный Вильгельмом Малмсберийским и другими хронистами. «Если я виновен, – заявил эрл при свидетелях, – пусть я подавлюсь этим хлебом». Откусив кусок хлеба, он подавился и тут же умер; это случилось 13 апреля 1053 года.

Сыновья покойного унаследовали его влияние и разделили между собой богатейшие провинции королевства. Тостиг получил Нортумбрию, Гирт – Восточную Англию, Леофвин – Кент и Сассекс, но главенствующее положение занял Гарольд, унаследовавший отцовский титул эрла Уэссекса. Король, подавленный изгнанием любимых нормандцев, погрузился в меланхолию и заботился исключительно о спасении души. Других претендентов на трон на горизонте не наблюдалось. Правда, в 1057 году объявился племянник и тезка Эдуарда, сын короля Эдмунда Железнобокого, но он умер, едва ступив на английскую землю, – похоже, не без посторонней помощи. Его сын Эдгар был еще ребенком, и Гарольду открывалась прямая дорога к трону... если бы не злосчастная клятва в Понтье. Сыну Годвина портили настроение и церковные дела. Взамен изгнанного нормандца он поставил архиепископом англосакса Стиганда, но папа, ревниво оберегавший свое право на инвеституру, отказался утвердить это решение. Недолго думая, Гарольд взял благословение у самозванца-антипапы, что поставило Англию на грань отлучения от церкви. Не все благополучно было и в семье Гарольда – братья не очень-то хотели видеть его королем. Хорошо еще, что на сухопутных и морских границах на время воцарился мир – и скандинавы, и шотландцы, и беспокойные валлийские вожди были заняты внутренними проблемами.

Так обстояли дела в Англии накануне смерти короля Эдуарда. А что же происходило в это время на другом берегу Ла-Манша, в Нормандии? Там укреплял свои позиции герцог Вильгельм. Делать это так долго ему пришлось по одной простой причине – он был незаконнорожденным. То время вообще не отличалось высокой нравственностью, а уж нормандские герцоги выделялись даже на общем фоне. Герцог Рикард I помимо одного законного сына

имел пятерых незаконных: всех их он сделал графами, а старшего – даже архиепископом Руана. Его наследник Рикард II сменил трех жен и свято соблюдал право первой ночи на свадьбах своих подданных. Не отставали от него и сыновья – Рикард III и Роберт. Последнему было всего 17 лет, когда он проезжал через Фалез и встретил девушку, стиравшую в речке белье. Ее звали Эрлева или Арлетта, и она-то и стала матерью будущего завоевателя Англии. По слухам, она была дочерью дубильщика кож; точно это не известно, поскольку ее неблагородную родню и близко не подпускали ко двору. Что касается самой Эрлевы, то Роберт тут же усадил ее в седло и увез к себе в замок. В ту же ночь она зачала; по легенде ей приснилось дерево, выросшее из ее тела и покрывшее своей тенью Нормандию и Англию.

О реальной личности матери Вильгельма мы почти ничего не знаем. Лакировщики-хронисты писали, что на самом деле она была дочерью барона и вовсе не стирала белье, а танцевала на дороге, чем и пленила юного принца. Она жила с Робертом до конца его жизни и кроме Вильгельма родила от короля дочь Аделизу, позже ставшую графиней Понтье. Несомненно, что Роберт был привязан к Эрлеве, несмотря на явное неравенство их положения. После его смерти полукоролева, как ее называли острые на язык нормандцы, вышла за барона Эрлуина де Контвиля и родила ему еще двоих детей, сыгравших заметную роль в истории Англии. Это были епископ Байё Одо и Роберт, граф Мортена.

В 1028 году Рикард при неясных обстоятельствах погиб, и Роберт в 18 лет сделался герцогом. Двор его был веселым местом: там всегда находили приют труверы, бродячие циркачи, а также изгнанные из своих владений принцы. Среди последних были английские этелинги Эдуард и Альфред и сам французский король Генрих I, которого прогнал с трона могущественный граф Блуа. Роберт помог ему вернуться к власти, за что Генрих потом не раз платил черной неблагодарностью его сыну. Молодой герцог был человеком порывистым и вспыльчивым; как-то в приступе гнева он сместил с должности своего дядю, архиепископа Роберта. За это папа наложил на Нормандию интердикт, а герцог получил кличку Дьявол. Без молитв и отпеваний он продержался полтора года, но под нажимом подданных сдался, вернул архиепископа и даже отдал ему всю административную власть в своих владениях. Сам же целиком отдался честолюбивым мечтам о грандиозных завоеваниях. По довольно сомнительным сведениям, он даже отправился походом на Англию, но его флот был выброшен бурей на остров Джерси. После этого он решил заручиться помощью датчан и сделал предложение Астрид, сестре короля Кнута Великого. Со свадьбой решено было подождать до возвращения герцога из паломничества в Святую землю: перед началом славных дел он хотел покаяться в грехах и наладить отношения с церковью. На совете в Фекане он объявил регентом на время своего отсутствия семилетнего Вильгельма; среди знати этот выбор вызвал ропот, но более явных претендентов не было – герцогская династия давно запуталась в своих внебрачных потомках и в их правах на престол.

Кто знает, как повернулась бы история Англии и всей Европы, если бы Роберт I не отправился в то злополучное паломничество? В сентябре 1035 года Нормандии достигла печальная весть – возвращаясь из Палестины, герцог заболел «моровой язвой» и 2 июля умер в малоазиатском городе Никее. Следующие десять лет покрыты мраком неизвестности. В 1037 году скончался архиепископ Роберт, и провинция окончательно погрузилась в пучину феодальной анархии. Опекунами Вильгельма были бретонский герцог Алан, Фиц-Осберн, Жильбер де Брион и Торольд де Нёвмарш. Не прошло и пяти лет, как все они умерли не своей смертью. В кровавой свалке было уже непонятно, кто и за что сражается. Так, вернувшийся с испанской войны рыцарь Рожер де Тени пришел в ярость, когда узнал, что Нормандией правит какой-то бастард. Он тут же бросился разорять земли ни в чем не повинных соседей и сложил голову в бою. Не раз толпа баронов с криками «Смерть ублюдку!» врывается во дворец, и дядя Вильгельма Мальгер спешно уводит мальчика через потайной ход и прятал в домах у слуг. Конечно, Вильгельму было жалко и Фиц-Осберна, которого убили у

него на глазах, и особенно старого вояку Торольда, учившего его обращению с мечом. Но юный герцог сделал из всего пережитого именно те выводы, которые должен был сделать: жизнь полна жестокости; побеждает сильнейший; единственный способ уцелеть – перехитрить врага и ударить первым.

Кончилось тем, что Генрих I забрал мальчика к себе. Видимо, при французском дворе Вильгельм проходил какие-то уроки этикета, но влияния они на него не оказали. До конца жизни он оставался потомком грубых скандинавских завоевателей, лишенным всякой утонченности, – ел и пил много и жадно, спал в палатках, а то и на голой земле, а захваченные украшения предпочитал переливать на монеты. Его единственным в жизни увлечением была война, но не ради самой войны, а ради достижения целей, и прежде всего – власти. Для победы он был всегда готов пойти на хитрость и нарушить рыцарский кодекс чести (который, впрочем, тогда еще не выработался во всех подробностях). При этом отличался громадной физической силой и смелостью и обожал помахать мечом в схватке. Эти его качества проявились с 13 лет – именно тогда французский король взял его в поход на блюаский замок Тильер. О каких-либо подвигах юного Вильгельма ничего не известно, но союзники победили. Замок был взят штурмом и разрушен.

В 1047 году герцогу пришлось воевать уже против своих – восстали виконты Басена и Котантена в Западной Нормандии. К тому времени Вильгельм вернулся на родину и, несмотря на молодость, успел проявить крутой нрав в обращении с вассалами. Это вызвало недовольство баронов, особенно к западу от реки Див, делившей герцогство пополам. Там, в диких ландах, жили свободолюбивые потомки норманнов и бретонских кельтов; там и созрела идея заменить властного Вильгельма кем-нибудь из его более послушных родственников – например, кузеном Ги, безвольным пьяницей. Заговорщики подстерегли герцога в замке Валон, где он обычно охотился. Его спас верный шут Гайе, заметивший вооруженных людей у входа в покои. В чем был, Вильгельм бежал в Фалез; собирать войско было некогда, и он попросил помощи у Генриха Французского. Через две недели французы и сторонники герцога встретились с войском мятежных баронов у Вальэ-Дюна. Битва была жестокой – самого Вильгельма ранили, а под королем Генрихом убили двух лошадей. Уже в сумерках мятежники обратились в бегство, и множество их утонуло в речке Ольн. Вопреки обычаю Вильгельм не казнил пленных, и даже смутьян-кузен отделался изгнанием. Эта мягкость оказалась выгоднее жестокости: больше при жизни Завоевателя крупных восстаний в Нормандии не было.

Внутренние войны скоро сменились внешними. Вильгельм умудрился рассориться со всеми соседями – герцогом Бретани, графами Анжу и Блуа, а в конце концов и с королем Генрихом. В 1048 году, еще в союзе с Францией, он схватился с самим Джефре Мартелем, графом Анжу – сильнейшим феодалом того времени. Союзники осадили пограничную крепость Домфрон; Джефре со всем войском бросился на ее выручку, и тогда Вильгельм обрушился на незащищенный Алансон. Жители богатого города вывесили на стенах коровьи шкуры, крича: «Вот кожи для дубильщика!» Насмешек Вильгельм не терпел, и вскоре в город полетели страшные метательные снаряды – головы 32 уважаемых граждан, захваченных нормандцами. Охваченные ужасом алансонцы сдались, потом пал и Домфрон, но король Франции заключил мир с Анжу за спиной Вильгельма, и тому пришлось освободить захваченные города. Очевидно, это и стало причиной охлаждения между бывшими друзьями. На первых порах Генрих только устраивал заговоры против своего воспитанника, но Вильгельм разоблачал их один за другим, твердой рукой обуздывая своеволие баронов. В 1052 году был лишен владений и изгнан граф Мортена Вильгельм, дядя герцога, – за то, что вслух высказывал намерение уехать в Сицилию, где он станет богаче «этого ублюдка». За ним последовал другой родич, Вильгельм де Буссак, сын графа О.

Среди государственных забот Вильгельм нашел время и для устройства личных дел. Еще в 1049 году он отправил послов к графу Фландрии Балдуину, прося руки его дочери Матильды. Это была миниатюрная девушка – судя по вскрытой в XVII веке гробнице, ее рост не превышал 155 сантиметров. Для своего времени она получила неплохое образование и вовсе не горела желанием выходить замуж за нормандского солдафона. Некоторые хроники передают шокирующую деталь – получив отказ, Вильгельм пришел в ярость, помчался во Фландрию и, ворвавшись в покои невесты, избил ее до синяков. Якобы после этого впечатленная таким обращением Матильда дала согласие на брак. Вряд ли эта история правдива – даже для буйного Вильгельма это было слишком, да и согласия невесты не требовалось; все решило полюбовное соглашение с ее отцом. Не вызывает доверия и другая легенда – что к тому времени 18-летняя Матильда уже была замужем и имела дочь Гундраду. По непонятным причинам церковь специальным решением запретила брак Вильгельма и Матильды – из-за того, что они были дальними родственниками, или же по вине неблагочестивого Роберта Дьявола. Тем не менее в 1052 или 1053 году молодые обвенчались. Папа опять наложил на Нормандию интердикт, но справиться с Вильгельмом оказалось труднее, чем с его отцом. Без колебаний герцог выслал из своих владений тех прелатов, что поддерживали решение Рима, не пощадив и ученого Ланфранка. Большая часть церковников предпочла сохранить земли и богатства и не послушалась папского приказа. В 1059 году Вильгельм был «прощен»; чтобы подсластить для Римской курии поражение, он дал обет выстроить два монастыря. Матильда стала хорошей женой, в государственные дела не лезла и прилежно рожала детей – четырех сыновей и пять дочек. Единственный из герцогов Нормандии, Вильгельм не имел внебрачных отпрысков, что говорит не только о его постоянной занятости, но и об определенной привязанности этого грозного воина к тихой и богомольной супруге. Виделись они редко, особенно после отъезда Вильгельма в Англию, но потомки от этого только выиграли – памятью об одиноких днях и бессонных ночах герцогини остался многометровый гобелен из Байе, на котором во всех подробностях изображена история покорения Англии.

В том же 1051 году, когда Вильгельм ездил за невестой, случилось еще одно важное событие. На обратном пути он посетил Англию, где был с почетом принят королем Эдуардом. Возможно, именно тогда больной, лишенный наследников король и назначил герцога своим преемником. Тогда, после изгнания Годвина, это казалось вполне уместным. Победа национальной партии в следующем году сделала права Вильгельма на трон довольно прозрачными, но он не собирался от них отступаться. Однако пока что его интересы были сосредоточены на континенте, где ему непосредственно угрожал король Франции. В 1053 году Генрих открыто поддержал новый феодальный мятеж – против Вильгельма восстали граф Арка Гийом и граф Понтье Ангерран. Мчавшееся на Руан войско мятежников было разбито атакой рыцарской конницы из засады – излюбленный прием Вильгельма. Погибли граф Понтье и командир французского отряда.

На следующий год Генрих сам пошел на Нормандию с пятитысячной армией. Разделив свои силы пополам, Вильгельм ударил по французам с флангов. Отряд графа О напал на войско брата короля Эда во время переправы через Сену и заставил его отступить; при этом сотни солдат утонули. Успевшие переправиться были осаждены нормандцами в городе Мортемар. Чтобы не тянуть с осадой, Вильгельм велел поджечь город, и все французы погибли в огне. Позорное поражение заставило Генриха заключить мир. Чтобы предотвратить новые вторжения, Вильгельм укрепил границы. Напротив французского Тильера была воздвигнута крепость Бретей. Основанному при ней купеческому поселению (бургу) была дарована хартия о правах – первая из множества городских хартий, благодаря которым позже расцвели города Англии и Франции. Не смирившись с поражением, Генрих в 1058 году снова, в третий раз, напал на Нормандию. И снова потерпел неудачу: по испытанной уже тактике нормандцы

напали на французское войско во время переправы через реку Див и изрубили почти всех. После этого королю пришлось отдать Вильгельму Тильер и другие пограничные земли.

Не выдержав позора, Генрих в 1060 году умер; его вдова, киевская княжна Анна Ярославна, и юный сын Филипп оказались беспомощными игрушками в руках могущественных феодалов. Тогда же скончался давний враг Вильгельма Джефре Мартель. Герцог Нормандии стал бесспорным хозяином на западе Франции и не замедлил воспользоваться этим. При дележе анжуйского наследства он нацелился на богатое графство Мен. Подступив к столице графства Ле-Ману, он не стал брать его приступом, а опустошал окрестности, пока город не сдался. Такой и впредь была осадная тактика Вильгельма, который не любил без нужды посылать своих солдат на гибель. Захватив в 1063 году Мен, он подумывал уже идти в Анжу, но тут его сразила тяжелая болезнь. Едва поправившись, он двинулся на запад, в Бретань. Граф Ренна Конан был осажден в Динане и отдал Нормандии ряд областей. Скоро он умер, и править в Бретани стал его шурин Хоэл, верный союзник Вильгельма. Обеспечив себе поддержку соседей, герцог мог приступить к решению гораздо более трудной задачи – покорению Англии.

К тому времени за Ла-Маншем произошли важные события. 5 января 1066 года умер король Эдуард. На «совете мудрых» вопрос о кандидатуре Вильгельма даже не вставал. Большинство присутствовавших высказались за избрание королем Гарольда Годвинсона, и 6 января он был коронован в Лондоне. Тут же Вильгельм открыто заявил о своих правах на трон, о которых раньше помалкивал. Со свойственной ему предусмотрительностью он разослал письма европейским монархам с обоснованием своих притязаний и добился их поддержки. В пользу Вильгельма высказались короли Франции и Дании, а также император Генрих IV. Письмо герцога к папе, приведенное историком Вильгельмом Малмсберийским, убедило и Римскую курию. Теперь можно было приниматься за военные приготовления, и в устье реки Див начался сбор кораблей и воинов.

Планы Вильгельма облегчались раздорами среди потомков Годвина. Еще в 1064 году брат Гарольда Тостиг был лишен должности эрла Нортумбрии и заменен представителем мерсийской знати Моркаром. Последний вел себя весьма независимо и сначала вообще отказался признать Гарольда королем. Смягчился он только тогда, когда Годвинсон увеличил его владения и взял в жены сестру Моркара Эльдгиту, оставив свою давнюю возлюбленную Эдит Лебязью Шею. Не менее строптивым оказался и молодой эрл Мерсии Эдвин, брат Моркара и внук престарелого Леофрика. А обиженный Тостиг собрал своих сторонников на корабли и каждый год грабил побережье Англии. Сначала он укрывался у графа Фландрии, а после отправился к королю Норвегии Харальду Суровому, соблазняя того планами восстания великой державы Кнута. Воинственный Харальд не мог упустить случая лишнего раз проявить свою доблесть, и к исходу лета в устье Согне-фьорда начал собираться скандинавский флот.

Не исключено, что Тостиг действовал как агент герцога Нормандии – уж слишком синхронно его действия совпадали с приготовлениями Вильгельма. Готовилось одновременное нападение на Англию с двух сторон, но на юге мероприятия были куда масштабнее. 15 июня собрался совет нормандской знати в Бонвилле. Было решено на время отсутствия герцога оставить у власти Матильду и совет во главе с Рожером де Бомоном. Остальных феодалов и всех своих родичей Вильгельм забирал с собой, чтобы избежать новых восстаний. В продолжение опоры на церковь прощенный Ланфранк был сделан аббатом нового монастыря в Кане; тогда же старшая дочь Вильгельма Сесилия сделалась аббатисой основанной ее матерью обители Святой Троицы. В августе флот собрался в устье Дива. Шесть недель чего-то ждали – по уверениям герцога, попутного ветра, но, скорее всего, удара норвежцев с севера.

Наконец флот перевели в Сен-Валери, поближе к Англии, куда стекались все новые и новые отряды. Трувер Вас, воспевающий вторжение в Англию, насчитал 696 больших и малых

кораблей. Он же приводит поистине гомеровский список кораблей, снаряженных отдельными представителями знати. Флагманский корабль «Мора», на котором плыл сам Вильгельм, снарядила герцогиня Матильда. Сводные братья герцога – Робер де Мортен и епископ Одо – выставили соответственно 120 и 100 кораблей. По 60 кораблей снарядили графы Эвре и О, Вильгельм фиц Осберн, Рожер де Бомонт и Рожер де Монтгомери, 50 кораблей – Хьюг де Монфор. На поиски славы и богатства отправлялись все, от владетельных графов Булони и Понтье до бродячих рыцарей и младших сыновей феодалов, оставленных без наследства по законам майората, – именно они составляли костяк нормандского войска. К Вильгельму стекались искатели приключений не только из Франции, но и из других стран – бретонцы, фламандцы, сицилийские норманны. Сами нормандцы составляли явное меньшинство в этой разноязыкой массе, и только твердость Вильгельма помогала поддерживать хоть какой-то порядок. Точная численность армии вторжения не известна: называются цифры от 6 до 60 тысяч. Вероятно, нижняя граница ближе к истине, и у Гастингса силы Вильгельма насчитывали 10 – 15 тысяч человек, из них 6 – 7 тысяч тяжеловооруженных рыцарей.

У англосаксов не было большого постоянного войска. Основу армии составляли дружинники короля – хускерлы, которым в подмогу в случае войны выступало ополчение – фирд. Сначала по приказу короля в поход были обязаны отправляться все здоровые мужчины за исключением монахов, но к XI веку утвердился порядок, по которому от нескольких дворов выделялся один вооруженный ополченец. Фирд со всей страны ни разу не собирався полностью; если бы это случилось, его численность могла достичь 50 тысяч человек. Что касается хускерлов, то их было 4 – 5 тысяч. Превосходя нормандцев численностью, англосаксы уступали им в вооружении и организации. В основном они сражались пешими, с короткими мечами и боевыми топорами, и не могли противостоять рыцарской коннице. Не было у них и боевых луков, которые активно использовались на континенте.

Но главным фактором, ослаблявшим англосаксов, была борьба на два фронта. В середине сентября 1066 года большой норвежский флот с королем Харальдом и изменником Тостигом высадился в Северной Англии. 20 сентября объединенные ополчения эрлов Эдвина и Моркара были разбиты при Фулфорде, и норвежцы без боя вошли в Йорк – крупнейший город севера. С неожиданной скоростью Гарольд собрал хускерлов и часть ополчения и выступил из Лондона навстречу врагам. Уже 21 сентября Йорк открыл ворота королю Англии, а 25 сентября англосаксы застали врасплох норвежскую армию у Стамфордского моста (Стамфорд-Бридж). Кровавая битва длилась несколько часов; два часа дюжий норвежец в одиночку защищал мост, но в конце концов его сразила стрела, и англосаксы перешли реку, отрезав противника от кораблей. В начавшейся резне погибли большинство пришельцев, в том числе король Харальд и Тостиг. Тяжелые потери понесли и хускерлы Гарольда, а также ополчения Нортумбрии и Мерсии.

В ту же ночь на юге пришла в движение армада Вильгельма. Подул попутный южный ветер – как утверждали, после крестного хода с мощами святого Валерия. 27 сентября флотилия покинула французский берег. Для большей секретности решено было плыть ночью; на каждом корабле имелся носовой фонарь. Плавание прошло без приключений, и в 9 часов утра 28 сентября войско высадилось у селения Певенси в Восточном Сассексе. Охрана побережья ушла с армией на север или разошлась из-за долгого отсутствия платы. Сообщить о высадке нормандцев оказалось некому, кроме одного крестьянина, который на своей лошади поспешил на север и через три дня добрался до Йорка. Тем временем Вильгельм занял близлежащий город Гастингс и велел выстроить рядом с ним мощную бревенчатую крепость. В поисках припасов его воины разорили все окрестные деревни – через 20 лет по «Книге Страшного суда» они все еще значились «покинутыми». Тут герцогу пришло письмо от бретонского рыцаря, служившего Гарольду. В нем сообщалось, что король разбил норвежцев и движется на юг. Вильгельм во всеуслышание ответил, что был бы рад сразиться с таким

славным противником, будь у него не 60, а даже 10 тысяч воинов. Столько у него реально и имелось, а громкие заявления были призваны ввести в заблуждение противника.

Гарольд и в самом деле вышел с армией из Йорка 2 октября, едва получив весть о высадке Вильгельма. Его поредевшее войско двигалось чуть ли не бегом. Уже 6 октября он преодолел 320-километровое расстояние между Йорком и Лондоном, но в Лондоне задержался на пять дней, чтобы дать отдохнуть хускерлам и заодно дожидаться подхода ополчений. Однако к нему явились лишь немногочисленные отряды с юга во главе с братьями Леофвином и Гиртом. Вильгельм чрезвычайно удачно выбрал время – шла уборка урожая, и крестьяне не горели желанием бросать свои поля, чтобы после страдать от голода. Эрлы Мерсии и Нортумбрии вообще не послали свои ополчения, ссылаясь на потери от норвежского вторжения. В итоге 11 октября Гарольд выступил из Лондона примерно с 10 тысячами воинов, среди которых было не более 3 тысяч хускерлов.

13 октября Гарольд достиг Гастингса и занял оборонительную позицию в 13 километрах к северо-западу от города. Будучи уверенным в скором нападении Вильгельма, король укрепился на высоком Сенлакском холме среди полей, изрезанных ручьями и оврагами, что создавало препятствия для нормандской конницы. На вершине холма был установлен штандарт короля с красным крестом на белом поле; там Гарольд оставался все время битвы, и там же он пал спустя семь часов. Теперь на этом месте находится алтарь церкви в Бэттле, воздвигнутой в память о сражении. В средней части холма выстроилась оборонительная линия хускерлов, а по обе стороны от них несколькими рядами стояли ополченцы из фирда. По некоторым данным, перед позициями англосаксов был сооружен частокол или вал, чтобы задержать конницу, но на ходе битвы это никак не сказалось.

Картина битвы восстанавливается по сообщениям Вильгельма Малмсберийского и других хронистов. Сразу после рассвета 14 октября нормандцы быстро преодолели семь миль и тремя линиями подошли к холму. Впереди двигались лучники и арбалетчики – это было первое в средневековой Европе документированное применение арбалетов. Вторую линию составляли пешие копейщики, а третью – рыцари. Центр занимали нормандцы, левый фланг – бретонцы во главе с сыном графа Пентьевра, а правый – французы и фламандцы. Начали сражение лучники, которые открыли огонь с расстояния не более 100 метров, но стрелы летели снизу вверх и не нанесли ощутимого вреда. По обычаю, противники, выходя из строя, осыпали друг друга насмешками. Нормандский жонглер (скоморох) с шутками и прибаутками подобрался к рядам англосаксов и успел сразить их знаменосца, прежде чем ему раскроили голову топором. Так началась битва; лучники расступились, и в бой вступили копейщики; англосаксы быстро отбросили их, кидая камни и дротики и орудуя своими громадными двуручными топорами. Захлебнулась и первая атака рыцарской кавалерии. Ее левый фланг был смят, и разнесся слух, что сам Вильгельм погиб. Чтобы сдержать начавшуюся панику, герцог сбросил шлем и галопом промчался перед строем отступающих всадников.

Бросившись преследовать врагов и рассеявшись по склону холма, англосаксы допустили роковую ошибку. Повернувшие рыцари обрушились на них и многих убили; однако остальные быстро перестроились и вернулись к вершине холма. Вильгельм второй раз повел рыцарей в атаку и снова был отбит. Повторился маневр с притворным бегством, и еще часть обманутых англосаксов, несмотря на строгий приказ Гарольда, пустилась в погоню и была перебита у подножия Сенлака; среди них оказались и братья Гарольда Леофвин и Гирт, причем одного из них, по преданию, убил сам Вильгельм. Бой перешел в позиционную стадию: несколько часов нормандцы чередовали конные и пешие атаки с обстрелами вражеских позиций. Вильгельм велел своим лучникам вести навесной огонь прямо вверх, что вело к большим потерям среди оборонявшихся. Скученность сражавшихся вела к тому, что на поле битвы громоздились буквально холмы из трупов, сквозь которые скоро стало почти невоз-

можно перебраться. Англосаксы сражались без передышки, без пищи и воды почти целый день, и к его исходу едва не падали от усталости. Однако хускерлы стойко удерживали позиции, и к сумеркам обе стороны оставались на тех же местах. Продержись англосаксы до темноты, и все могло обернуться иначе. На помощь Гарольду собирались новые отряды, приход которых сделал бы положение Вильгельма незавидным.

Но тут случилось нечто коренным образом изменившее ход битвы. По одной из версий, Гарольд был сражен случайной стрелой, попавшей ему в глаз. Однако на гобелене из Байе в глаз поражен другой воин, а Гарольда рубят налетевшие конники. Возможно, в последней отчаянной атаке нормандские рыцари смогли ворваться на холм и убить короля. Однако после хускерлы отбили их и снова заняли оборону вокруг тела уже мертвого Гарольда. Фирд разбежался и был изрублен нормандцами. Преследуя бегущих, немало рыцарей свалилось в овраг, прозванный Мальфосс (Злая расщелина). Окружив хускерлов со всех сторон, нормандцы перебили их до единого человека. Уже в сумерках Вильгельм углубился в лес, чтобы добить остатки англосаксов, и едва не погиб, когда те попытались перейти в контратаку. Однако скоро всякое сопротивление было подавлено, и битва при Гастингсе закончилась. В ходе нее погибло до 10 тысяч человек – почти половина участников. Сравнительно скромная по своим масштабам, эта битва привела к глобальным историческим последствиям. Но пока Вильгельму только предстояло воспользоваться плодами одержанной победы. Утром 15 октября погибшие нормандцы были похоронены близ поля битвы. Жителям соседних деревень и родственникам позволили забрать и похоронить трупы англосаксов. За одним исключением – короля Гарольда победитель велел закопать отдельно, в неосвященной земле как узурпатора и клятвопреступника. Мать короля Гита предлагала Вильгельму выкупить тело сына за количество золота, равное его весу, но он отказался. По другим данным, победитель в конце концов сжалился и позволил монахам Уолтэмской обители похоронить Гарольда у себя. Найти его среди изрубленных тел хускерлов оказалось не так просто. По старинной легенде для опознания пришлось привлечь возлюбленную короля Эдит Лебязью Шею, которая узнала его по шраму на плече. Еще долго по Англии ходили слухи о том, что Гарольд Злосчастный выжил и скитается по своим былым владениям, став нищим; этот сюжет использован Киплингом в «Сказках старой Англии».

Вильгельм еще пять дней оставался в Гастингсе. По его представлениям после смены власти подданные должны были немедленно принести клятву верности новому сюзерену. За все пять дней ни один вассал так и не появился, и герцог начал понимать, что Англия отличается от привычной ему Франции и здесь придется править по-другому. Понял он и то, что завоевание страны не закончилось с гибелью ее короля. Однако организовывать сопротивление было некому. Единственный оставшийся брат Гарольда Вулфнот находился в нормандском плену. 17 октября собравшиеся в Лондоне эрлы избрали королем этелинга Эдгара, внука Эдмунда Железнобокого. Но у нового монарха не было ни войска, ни придворных, ни поддержки церкви. Архиепископ Стиганд медлил с коронацией, а без нее Эдгар не мог считаться законным королем. Сам он был хилым, нерешительным юношей, который почти всю жизнь провел в изгнании и не знал Англии и ее жителей.

20 октября началось продвижение Вильгельма вперед. Начал он с карательной экспедиции в Ромни, где жители убили нескольких заблудившихся нормандцев. Оставив за собой ряды виселиц, завоеватели двинулись к мощной крепости Дувр, гарнизон которой тут же сдался. В каменных стенах Дувра, построенных нормандскими мастерами, Вильгельм чувствовал себя увереннее, чем в саксонских усадьбах, защищенных одним частоколом. В этом городе он пробыл неделю, и там у него появились первые англосаксонские вассалы. Потом он отправился в Кентербери – центр английской церкви. Там его уже ждали представители местной знати, толпившиеся, по словам хрониста Ги Амьенского, «как мухи на свежей ране». До темноты Вильгельм принимал клятвы верности и уже собирался дви-

гаться дальше, но тут его свалила лихорадка, и целый месяц он пролежал в шатре у стен Кентерберри. Все это время он приказывал своим воинам разорять деревни вокруг Лондона, чтобы взять столицу измором. Любимая тактика Завоевателя принесла свои плоды; когда он, оправившись от болезни, двинулся дальше, Лондон сам склонился к его ногам. Столичные купцы, которые еще недавно клялись сражаться против захватчиков до последней капли крови, испугались убытков и потребовали от Эдгара сдаться. Это он и сделал, явившись в середине декабря к Вильгельму вместе с архиепископом Стигандом и эрлами Эдвином и Моркармом. Незадолго до этого вдова Эдуарда Эдгита сдала нормандцам Винчестер – древнюю столицу Уэссекса, где хранились регалии английских королей.

Несколько дней Вильгельм спокойно охотился в богатых дичью английских лесах, а 25 декабря в Вестминстерском соборе состоялась официальная коронация нового монарха. Осторожный Стиганд сказался больным, и церемонию проводил архиепископ Йорка Элдред. В разгар коронации собравшихся на двух языках спросили, желают ли они видеть Вильгельма своим королем. В ответ раздался нестройный гомон, который ждущая снаружи стража (ей запретили входить в собор с оружием) приняла за шум мятежа. Чтобы защитить своего герцога, воины подожгли соседние дома. Присутствовавшие лондонцы разбежались спасать свое имущество, и церемония завершилась в пустом соборе, под треск пламени и при багровых отблесках пожара. Вильгельм скоро понял, что тревога была ложной, но настоящий мятеж в большом городе с его узкими улицами мог застать нормандцев врасплох. Поэтому он уехал из Лондона в близлежащий Баркинг и оставался там до постройки первого в столице замка – знаменитой «Белой башни» (Уайт-Тауэр). Замки, вначале деревянные, а затем и каменные, воздвигались нормандцами чуть ли не в каждом завоеванном ими городе и селении и служили одним из главных средств поддержания контроля над покоренным населением.

Закрепившись в столице, Вильгельм начал управлять своим новым королевством. Для начала он конфисковал земли семейства Годвина, а они составляли ни много ни мало треть Англии. Эти земли были розданы в ленное владение баронам, прибывшим с Вильгельмом, но баронов оказалось больше, чем земель, к тому же сразу появились недовольные количеством или качеством новых имений. Спасла положение оригинальная теория Вильгельма, по которой все англосаксы объявлялись виновными в поддержке «узурпатора» Гарольда, лишались своих земель и должны были их выкупать – за деньги или службу. Как проходил этот процесс, в деталях не известно, однако «Книга Страшного суда» неопровержимо доказывает, что за 20 лет тысячи англосаксов уступили свои земли нормандцам. Иногда это делалось с помощью обычной грубой силы – французский барон с отрядом приезжал в усадьбу, убивал или прогонял ее хозяина и строил замок на месте его дома. Чаше король раздавал нормандцам земли, конфискованные у участников многочисленных восстаний. Гораздо реже нормандские рыцари женились на вдовах или дочерях англосаксов и наследовали их имущество.

Уже в X веке процесс феодализации в Англии зашел довольно далеко. Бывшие землевладельцы-таны во множестве разорялись и фактически уравнивались по своему положению со свободными крестьянами – керлами. Порой пять танов вместе владели землей, приносящей доход всего пять шиллингов в год. Положение усугублялось отсутствием майората и бесконечными разделами земли между наследниками. Единственным, что еще отличало танов от зависимого населения, был их высокий вергельд – плата за нанесенное увечье или оскорбление. С приходом нормандцев старинное англосаксонское право сменилось феодальными законами, и постепенно разоренные землевладельцы влились в категорию зависимых крестьян, которых все чаще по французской привычке называли вилланами или сервами, то есть рабами. Что касается верхушки англосаксонского общества – эрлов и элдорменов, – то их владения постепенно также перешли к нормандским феодалам. Последний

эрл, Вальтеоф, был казнен в 1076 году, и вскоре в Англии утвердилась характерная для Западной Европы система наследственных феодальных владений, хозяева которых – графы и герцоги – несли вассальные обязанности по отношению к королю и имели собственных вассалов в лице баронов и мелких землевладельцев или сквайров. Еще с саксонских времен каждый, кто «оказывал покровительство» мелким хозяевам, именовался лордом (глафордом). Следует заметить, что в Англии в силу позднего утверждения феодальных отношений власть крупных феодалов была меньше, а их зависимость от королевской власти – больше.

Изменилась при нормандцах и система местного управления. Получил широкое распространение возникший еще в X веке институт шерифов. Если при англосаксонских королях этот чиновник занимался лишь сбором налогов, то теперь шериф стал полномочным представителем короля в каждом графстве, ведавшим широким кругом вопросов. На должности шерифов и других королевских служащих часто назначались англосаксы, которые служили новой власти не менее верно, чем нормандцы. Вильгельм всячески подчеркивал, что все жители Англии независимо от национальности равны и должны жить по единым законам. В первый раз он заявил об этом на рождественском приеме в Вестминстере в декабре 1067 года, но до этого и в Англии, и на континенте произошло немало событий.

1 марта 1067 года Вильгельм отбыл в Нормандию. Регентами в Лондоне он оставил Вильгельма фиц Осберна и Одо из Байе, а с собой увез главных представителей англосаксонской знати, чтобы они не подняли восстания. Он также вез с собой богатые трофеи, награбленные в английских усадьбах, а по слухам и в церквях. Во искупление грехов он даровал большую часть захваченного монастырям Нормандии, а часть велел раздать бедным. Не успел Вильгельм разобраться с делами, накопившимися за время его отсутствия, как до него дошли вести о целых трех восстаниях в Англии. В Нортумбрии сын прежнего эрла Освульф сжег в церкви некоего Копсига, которому нормандцы вручили наследственные земли Освульфа. В Херефорде восстал другой эрл, Эдрик Дикий, – в союзе с валлийскими вождями он вырезал нормандский гарнизон и укрылся в Уэльсе. Но опаснее всего оказались не англосаксы, а граф Булони Эсташ, которого обделили при разделе владений. Его солдаты осадили крепость в Дувре, но были разбиты и почти все погибли при попытке добраться до кораблей. Сам граф еле успел бежать на лодке и спастись. Особую активность в подавлении мятежа проявили англосаксы из кентского ополчения, которые с явным удовольствием расправлялись с недавними завоевателями.

Когда 7 декабря Вильгельм вернулся, ему показалось, что спокойствие восстановлено. Но главные испытания были еще впереди. В январе 1068 года восстал богатый торговый порт Эксетер в Девоншире, где жила мать Гарольда Гита. Вильгельм осаждал город 11 дней, на приступ не шел и только периодически казнил перед стенами заложников. Эти меры не возымели действия, и впервые король заключил мир на условиях осажденных. Жители Эксета получили прощение и подтверждение прежних привилегий. Кстати, такие же привилегии получили и другие города, в первую очередь Лондон. Как и в Нормандии, Вильгельм хотел заручиться поддержкой горожан в борьбе со своеволием крупных феодалов. Милость короля принесла свои плоды – когда через месяц в Девоншире высадились три незаконных сына Гарольда с флотилией ирландских пиратов, сами жители во главе с командиром ополчения Эднотом выступили против них и заставили вернуться в Ирландию. Что касается Гиты, которая, по всей видимости, вдохновляла восставших, то ей пришлось покинуть остров вместе с малолетней дочерью Гарольда, тоже Гитой. Безутешная вдова эрла Годвина окончила свои дни в Германии, а ее внучка добралась до далекого Киева, где стала женой Владимира Мономаха.

В мае в Англию прибыла Матильда, которую 11 мая торжественно объявили королевой Англии. Визит супруги Вильгельма преследовал далеко идущие политические цели – она осталась в Англии и в следующем году родила сына Генриха. Таким образом закреплялась

власть Нормандской династии, поскольку по местному поверью править Англией мог лишь рожденный на ее земле. К тому времени у короля было уже три сына – Роберт, Ричард и Вильгельм, – но именно Генрих, получивший позже прозвище «Ученый» (Боклерк), стал любимцем отца, да и многих англичан. Летом 1068 года Вильгельм получил весть о новом восстании на севере. Он тут же снарядил войско, и мятежники – все те же Эдвин и Моркар – предпочли сдаться. Король оставил им жизнь, но лишил владений. По пути он заложил замки в Уорике, Ноттингеме и Клиффорде и назначил там шерифов. Узнав о приближении Вильгельма, эрл Берниции (Северной Нортумбрии) Госпатрик бежал в Шотландию, открыв тем самым долгую эпоху столкновений двух государств. Король шотландцев Малькольм Кенмор, или Большая Голова, был обязан властью Эдуарду Исповеднику, который когда-то поддерживал его против узурпатора Макбета. Теперь к Малькольму бежал племянник Эдуарда, этелинг Эдгар, отдавший шотландцу в жены свою сестру.

Союзники ждали момента для нападения на Англию, и этот момент скоро настал. Назначенный вместо Госпатрика нормандский граф Роберт де Комин разместился в Дарэмском замке и начал жестоко угнетать местное население. Жители восстали и подожгли замок, в котором сгорели сам граф и гарнизон из 500 нормандцев. Восставшие пошли на Йорк и убили там наместника Роберта фиц Ричарда, но тут же разбежались, когда появился Вильгельм с армией. Гипноз Гастингса действовал еще долго, и самые многочисленные армии англосаксов обращались в бегство, увидев стяг короля и блестящие латы его рыцарей. К тому же их предводители были разобщены и заботились только о собственных интересах. Выстроив в Нортумбрии еще два замка, Вильгельм ринулся на юг, где опять высадились сыновья Гарольда.

Тут на английской шахматной доске появился новый игрок: король Дании Свен Эстридсен решил восстановить державу Кнута и направил в Нортумбрию большой флот под командованием своего брата Асбьорна и сыновей Харальда и Кнута. В разношерстное войско датчан входили скандинавы, славянские наемники и даже язычники из далекой Литвы. Когда 28 августа их армия высадились в Ипсвиче, король по своему обыкновению охотился в Динском лесу на границе с Уэльсом. Страстный охотник, Вильгельм полюбил богатые дичью английские леса и большую часть их объявил собственностью короны; более того, он изгнал жителей нескольких деревень в Хэмпшире и разбил там так называемый Новый лес. За охоту в королевских лесах любой незнатный человек мог поплатиться глазами, правой рукой, а то и головой. Этот «Лесной закон» вызвал естественное недовольство англосаксов, привыкших вольно охотиться в своих лесных угодьях. Вспомним, что именно из-за незаконной охоты рассорились с законом легендарный Робин Гуд и другие герои английского фольклора. Хронист Генрих Хантингдонский писал: «Кто убивал оленя или кабана, тому без жалости выкалывали глаза. Зверей он лелеял так, будто были они его детьми; так, ради основания мест для охоты в Новом лесу он велел разрушить церкви и селения и, изгнав жителей, сделать те места обиталищем оленей».

Высадка датчан стала сигналом для общего восстания на севере. Из Шотландии вновь явились Эдгар с Госпатриком, а из Уэльса напал гвинеддский король Бледдин. К восставшим присоединился хантингдонский эрл Вальтеоф, и 21 сентября они взяли Йорк. Накануне в осажденном городе умер или был убит лояльный завоевателям архиепископ Элдред. При взятии замка Вальтеоф сам стоял у ворот с громадным топором и рубил пытавшихся спастись нормандцев; по легенде так погибло сто человек. Известие о мятеже повергло короля в такой гнев, что он велел отрубить руки и ноги тем, кто принес это известие, – это были простые крестьяне-англосаксы, пострадавшие за свою верность чужеземцу. Собрав всех надежных воинов, даже инвалидов, Вильгельм двинулся на север. На этот раз он был выведен из себя, и восставшие не могли ожидать пощады. Три недели армия простояла у разрушенного Стэмфордского моста; потом нормандцы отыскивали брод и вторглись в Йоркшир. Все граф-

ство было разорено – воины Вильгельма жгли дома и амбары с хлебом, рубили сады и убивали домашних животных. Скоро вся обширная равнина Южной Нортумбрии превратилась в пустыню, покрытую черным слоем пепла. Те, кто избежал мечей карателей, массами погибли от голода. Многие продавались в рабство за корку хлеба, другие бежали на юг. В одном только маленьком аббатстве Ившем каждый день умирали 5 – 6 беженцев.

Предводители восставших в страхе сдались, и король проявил к ним милосердие. Госпатрик и даже убийца нормандцев Вальтеоф получили прощение и свои прежние владения, однако злопамятный Вильгельм ничего не забыл и отомстил им позже. Командиры датской армии так и не отважились на решительное сражение и бесславно скитались возле английских берегов. Зимой нормандское войско двинулось на Честер – последний еще не взятый город на севере Англии. Дожди, холод и отсутствие припасов заставили французских наемников поднять бунт, который король жестоко подавил, повесив зачинщиков. Для него и в самом деле все подданные были равны.

Честер пал, и Пасху 1069 года Завоеватель встретил в Винчестере. В этом году ему пришлось столкнуться с последним крупным восстанием, которое вспыхнуло в Болотном краю – своеобразном «острове» на стыке графств Кембриджшир и Норфолк, со всех сторон окруженном неприступной трясиной. Издавна власть там принадлежала богатым монастырям Или и Питерборо. В декабре 1069 года новый аббат Питерборо Торольд отобрал земли у своего вассала Хереварда. Тот обиделся и напустил на обитель датчан. Питерборо был сожжен, его богатства разграблены, а монахи проданы в рабство. Болотный край стал ареной партизанских подвигов Хереварда, который разбивал все посланные против него нормандские отряды. К нему бежали смещенные эрлы Эдвин и Моркар, которые до этого жили при дворе Вильгельма, получая все подобающие почести. Они уже мечтали о восстановлении англосаксонской монархии, но не могли решить, кому из них стать королем. С этими планами покончил мир Вильгельма с датчанами, которым надоело бесплодное пребывание в Англии. Осенью 1070 года нормандцы явились на болота. Херевард укрылся в Или, был предан монахами и бежал, но потом сдался и получил прощение. По одной версии этот отважный авантюрист мирно почил, дожив до глубокой старости, по другой – вернулся к прежней разбойничьей жизни и погиб в схватке. Моркара взяли в плен и заключили в нормандскую темницу, а молодой Эдвин бежал в Шотландию, но на самой границе его коварно убили три брата-крестьянина, доставившие его голову Вильгельму в надежде на награду. Он велел казнить доброхотов, а сам плакал над головой благородного эрла – неожиданный штрих к характеру грозного Завоевателя. Как многие представители англосаксонской знати, Эдвин пал жертвой затеянных не им интриг, и с ним закончился некогда могучий род Леофрика.

В 1069 году Вильгельм потерпел два поражения на континенте. Его шурин Балдуин Фландрский по неясным причинам разорвал союз с Нормандией и стал нападать на ее порты, существенно затрудняя сношения с Англией. В то же время окрепшие анжуйцы вновь захватили Мен. В 1070 году Вильгельм переправился через Ла-Манш с войском, причем среди его солдат были и англосаксы – впервые они сражались на континенте за дело Нормандской династии. После короткой войны Мен остался за Вильгельмом, но ему пришлось принести графу Анжу оммаж. В Англии в это время все было спокойно, если не считать короткого набега Малькольма Шотландского. На этот раз англосаксы не поддержали своего бывшего союзника, и даже эрл Госпатрик выступил против него.

К тому времени Вильгельм уже начал предъявлять претензии на английские земли – Лотиан и Камберленд, – захваченные шотландцами еще в 1018 году. В 1072 году Вильгельм собрал большое войско и пересек шотландскую границу. Малькольм не стал воевать: он принял короля как друга, принес ему оммаж за Лотиан и дал в заложники своего сына Дональда. После этого из Шотландии был выслан злосчастный этелинг Эдгар. Он отправился было во Францию, король которой обещал ему феодал, но был выброшен бурей на английский берег.

Вильгельм простил его и даже даровал тысячу акров земли в Хантингдоне. А вот верного Госпатрика, напротив, лишили владений и выслали – король не простил былой измены. В августе 1070 года умер архиепископ Стиганд, и на его место был избран Ланфранк, который сразу предпринял меры для восстановления былой славы английской церкви.

В 1075 году, когда Вильгельм опять находился на континенте, в Англии вспыхнуло новое восстание. На этот раз его подняли нормандские феодалы – граф Херефорда Рожер фиц Осберн и граф Восточной Англии Ральф де Вадер. Вильгельм старался не допустить объединения крупных владений и поэтому запретил Ральфу жениться на сестре Рожера Эмме. Возмущенные друзья подняли мятеж, но в короткой битве при Фагадуне были разбиты. Рожер попал в плен, а Ральф бежал в Данию и сумел убедить короля Свена вновь отправиться в поход. В это время невеста Ральфа обороняла от королевских войск крепость Норич, продержалась три месяца, но сдалась буквально за неделю до возвращения жениха с датским флотом. На этот раз военные действия были столь же вялыми – скандинавы явно утратили воинственный пыл викингов. Через два месяца Свен умер, а его сын Харальд поспешил заключить мир с Англией.

Той же осенью Вильгельм вернулся в свое королевство и конфисковал земли восставших. Рожер был освобожден по ходатайству Ланфранка, но не сделал никаких выводов. На Пасху он швырнул в камин дары, посланные ему королем, при этом нелестно высказавшись в адрес «ублюдка». Об этом тут же донесли, и граф закончил жизнь в темнице. Ральф де Вадер бежал к родственникам в Бретань и еще три года совершал набеги на Нормандию, пока не был прощен. Король воспользовался восстанием, чтобы покончить с последним представителем англосаксонской знати – эрлом Вальтеофом. Его безосновательно обвинили в поддержке мятежников и бросили в тюрьму. 31 мая 1076 года Вальтеоф был обезглавлен; многих современников возмутила эта расправа, а английский историк Ордерик Виталий даже считал все последующие неудачи Вильгельма Божьей карой за смерть эрла.

И действительно, с тех пор непобедимый прежде Завоеватель потерпел ряд чувствительных поражений. Его 24-летний сын Роберт, назначенный графом Мена, в 1078 году восстал против отца, был разбит и бежал. После этого произошла единственная известная размолвка короля с кроткой Матильдой. Решив, что сын на чужбине испытывает нужду, она посылала ему деньги и припасы. Вильгельм изловил одного из посланцев королевы, бретонца по имени Самсон, и велел его ослепить, но Матильда ослушалась супруга и освободила верного слугу. Король Франции Филипп дал Роберту пограничный замок Жерберуа. В конце года Вильгельм осадил замок, схватился на поле боя с собственным сыном и был им ранен. После этих шекспировских коллизий произошло примирение, но уже весной Роберт узнал, что его собираются арестовать, бежал и не возвращался до смерти отца. Второй сын короля Ричард погиб на охоте в 1075 году, а другой отпрыск, Вильгельм, занимался охотой и пирами и на власть не претендовал. Можно сказать, что трое сыновей короля воплощали в себе разные стороны его характера: Роберт – воинственность и тягу к завоеваниям, Генрих – государственный ум, а жестокий и сластолюбивый Вильгельм – те темные качества, которые не слишком явно проявлялись у Вильгельма, но так часто давали о себе знать в его коронованных потомках.

В 1079 году Малькольм Шотландский нарушил мир и разорил Нортумбрию. В ответ военачальники короля вторглись в Шотландию и заложили на границе мощную крепость Ньюкасл, которая вместе с Карлайлом стала цитаделью обороны от набегов с севера. В следующем году восставшие нортумбрийцы убили епископа Дарэмского Вальхера. Одо из Байе, как обычно управлявший Англией в отсутствие короля, жестоко отомстил мятежникам, опустошив Берницию так же, как его брат за 12 лет до того Дейру. Этот воинственный прелат и по совместительству граф Кента был по-своему таким же типичным представителем тогдашней церкви, как его антипод Ланфранк. Ученостью он не отличался, зато обожал

сражения, охоту и пиры с непристойными шутками и песнями жонглеров. Одо был чрезвычайно горд и властолюбив; постепенно эти качества перешли всякие границы. В 1081 году до Вильгельма дошли слухи, что Одо хочет захватить папский престол и для этого увести из Англии нормандских рыцарей, которым он обещал новые владения в Италии. Вильгельм вызвал брата для разбирательства, но тот отказался явиться. Король для вида смирился, но наступило Рождество 1082 года, и епископ Одо явился в Вестминстер. Закон не разрешал представителям светской власти арестовывать епископов, поэтому Вильгельм сам схватил брата и отвел его в темницу. Одо отбивался и кричал: «Я епископ и слуга Господа, меня нельзя судить без согласия папы!» Король возразил, что арестовал Одо не как епископа, но как графа Кентского и своего вассала. До смерти Вильгельма гордый епископ находился в тюрьме, получая в отличие от прочих узников яства с герцогского стола. Не были отняты и его громадные владения – вторые по величине после королевских.

В 1081 году Вильгельм совершил поход в Уэльс под видом паломничества в знаменитый монастырь Святого Давида. Попутно рыцари-«паломники» захватывали земли валлийцев, основав там свои баронства, известные под общим названием Марч, или «граница». Их владельцы стали самыми непокорными и буйными феодалами Англии, долго еще сохранявшими воинственный дух своих нормандских предков. Во время похода король основал несколько замков, в том числе нынешнюю столицу Уэльса Кардифф. Ему все труднее становилось садиться на коня, да и редкий конь выдерживал сильно растолстевшего монарха. По легенде именно для него впервые вывели породу знаменитых нормандских тяжеловозов. Вильгельму исполнилось 54 года; в тогдашней Европе человек этих лет считался стариком. Постоянные войны, ранения, тяготы походной жизни, обильная жирная пища, сырой английский климат не способствовали хорошему здоровью. С начала 80-х годов Вильгельм часто и подолгу болел. Один за другим уходили родичи и соратники по былым сражениям. 3 ноября 1083 года отошла в лучший мир королева Матильда, незримо стоявшая рядом с супругом во всех его начинаниях. Она неизменно просила его быть милостивее с побежденными, помогать беднякам и не забывать одаривать церковь во отпущение грехов.

В 1083 году против Вильгельма восстал Губерт, виконт Мена, попросивший помощи у анжуйцев. Фактически богатое графство было потеряно нормандцами. На севере продолжали плести интриги графы Фландрии; в 1081 году граф Роберт выдал дочь за короля Дании Кнута Святого и вместе с ним разработал план вторжения в Англию. Однако в июле 1086 года король Кнут был убит, и план сорвался. Для защиты границ и строительства все новых замков требовались большие средства, и Вильгельм неустанно повышал налоги. На рождественском съезде знати в Глостере он огласил решение о небывалой переписи всех земельных владений страны, которая должна была на долгие годы вперед установить число налогоплательщиков и примерную общую сумму налогов; это был фактически прообраз государственного бюджета. Для проведения переписи во все графства были направлены комиссии из церковных и светских феодалов, снабженные едиными образцами анкет. В анкетах учитывались размеры каждой вотчины – не только пахотных угодий, но и лесов, лугов, пастбищ и т. д., – имя ее владельца, число ее свободных и зависимых жителей и размер собираемых с нее налогов. Это не увеличило любви завоеванных подданных к Завоевателю. «Англосаксонская хроника» с осуждением говорит: «...так тщательно он сделал это, что не оказалось ни одной гайды, ни одной виргаты и даже – стыдно писать об этом, но не стыдно было ему это делать – ни одного быка, коровы или свиньи, не включенных в эту перепись».

По легенде Вильгельм заявил, что от глаз переписчиков не должно укрыться ничего, как на Страшном суде. Отсюда и пошло название, под которым с XI века известен этот уникальный памятник английской истории, занимающий два огромных тома. «Книга Страшного суда» стала лучшим доказательством власти Завоевателя над Англией – ни один король прежде не смог составить столь полный перечень всех земель и их владельцев, а тем более

собрать с них налоги. А уж налоги-то при Вильгельме собирались исправно. Если за все годы Уэссекской династии налог со всей страны пытались собрать только дважды (оба раза это было связано с нашествиями скандинавов), то при Вильгельме это происходило целых четыре раза. Обычно поземельный налог составлял два шиллинга с гайды, но в 1083 году он повысился до четырех шиллингов, а при следующем короле Вильгельме – до шести. Это ускорило процесс разорения мелких землевладельцев, которые или вовсе бросали свои земли, или записывались в кабалу к феодалам, чьи подати оказывались легче королевских. Точность и полнота «Книги Страшного суда» были таковы, что еще через триста лет ее данными пользовались при разрешении земельных споров.

В августе 1086 года состоялся очередной съезд английской знати в Солсбери. Королю показали готовый экземпляр «Книги Страшного суда», он одобрил ее и велел переписать и хранить в каждом графстве. После этого он потребовал от собравшихся – а это были, по сообщению «Хроники Питерборо», все землевладельцы Англии, нормандцы и саксы, – клятвы верности своему роду. Присягавших было так много, что процедура заняла целый день. Тогда же некоторые бароны попросили Вильгельма снизить налоги ввиду неурожая и начавшейся эпидемии чумы. Он повторил то, что говорил всю жизнь: «Закон установлен для всех и не знает исключений». Вскоре после этого он в последний раз пересек Ла-Манш – небольшое графство Вексен подняло восстание и перешло под власть Франции. То ли во время марша, то ли на охоте с монархом произошел несчастный случай – лошадь взбрыкнула, и высокая лука седла сильно ударила Вильгельма в живот. Его перевезли в Руан, но король с трудом переносил шум большого торгового города. Тогда его с великой предосторожностью усадили на коня и препроводили в тихий приорат Сен-Жервез недалеко от столицы. Там он находился почти неделю и успел рассказать историю своей жизни сыновьям – Вильгельму и Генриху, – аббату Жюмьежа Гунтарду и своему другу и личному врачу Гильберту Мамино, которого он сделал епископом Лизье. Свой рассказ он велел записать; до наших дней дошло два сомнительных варианта этой так называемой «апологии». В ней Вильгельм каялся в грехах, совершенных во время своего правления, особенно сожалел о погибших при Гастингсе и о разорении Нортумбрии. Однако все свои деяния он оправдывал тем, что они совершались «во имя Господа и святой церкви» и «во славу нормандского племени». Король подчеркивал, что старался поступать справедливо и первым установил в Англии равный для всех закон. Это, пожалуй, было справедливо с одним важным исключением – законы были равны только для свободных и то в теории, а на практике часто торжествовало «кулачное право».

На смертном одре Вильгельм разделил власть между сыновьями. Вильгельм получил Англию, а опальный Роберт – Нормандию. Младшему и любимому сыну Генриху из-за сопротивления старших достались только пять тысяч фунтов серебра из королевской казны с назначением наследником обоих владений. Зная нравы своих детей, король говорил с Вильгельмом наедине. Он вручил ему корону Англии, изготовленную византийским мастером по образцу императорской, поцеловал его и напутствовал: «Поспеши в свое королевство!» Еще он приказал освободить всех узников, в том числе эрла Моркара и брата Гарольда Вулфнота. Освободили и епископа Одо; принимая такое решение, король тяжело вздохнул и заметил: «Многих еще погубит этот человек». Многим были возвращены конфискованные владения, но среди них почти не было англосаксов – Вильгельм заботился о том, чтобы его сыновья не столкнулись с восстаниями, которые пришлось подавлять ему.

Утром 9 сентября Вильгельм услышал колокола Руанского собора, звонившие к заутрене. С трудом подняв руку, он прошептал: «Вручаю себя Марии, святой Матери Божьей». После этого он закрыл глаза и уже не открывал их. При кончине присутствовали несколько церковников и сын Роберт. Хоронили Завоевателя в обители Святого Стефана в Кане рядом с Матильдой. Как рассказывает не любивший покойного Ордрик Виталий, когда тело короля

перевозили в церковь для отпевания, его толстое брюхо быстро раздулось и лопнуло. Никакие благовония не могли заглушить нестерпимой вони, поэтому тело пришлось предавать погребению в большой спешке. Завершая рассказ об этом, историк назидательно замечает: «Так по воле Господа сильные в жизни становятся ничтожными в смерти, а творившие жестокости умирают в грязи». Мало того – на похоронах устроил скандал некий рыцарь Аццелин, утверждавший, что Вильгельма хоронят на незаконно отнятой у него земле. Чтобы отделаться от жалобщика, ему срочно уплатили 60 шиллингов.

Завоеватель родился в позоре внебрачного сожителства и в позоре умер. Однако жизнь его была полна славных дел, хоть и совершаемых в корыстных целях и с чрезмерной жестокостью. Интересно, что основатель английской монархии, создатель английской армии и военного флота, автор законов и мероприятий, на столетия вперед определивших жизнь королевства, так и не стал национальным героем. Англичане не смогли простить ему гибель Гарольда и выжженный Йоркшир, конфискации и налоги, Лесной закон и другое правило, по которому все жители должны были в восемь вечера гасить свет в домах. Но не полюбили Вильгельма и французы, для которых он завоевал Англию, – они помнили, что очень скоро после смерти Завоевателя его потомки, хоть и говорившие по-французски, стали национальными британскими монархами. А через триста лет после Гастингса случился исторический реванш – английские лучники и пехотинцы наголову разбили французских рыцарей при Креси и Пуатье. Не жаловали своего родича Вильгельма и скандинавы; при этом потомке норманнов Англия навсегда покончила с нашествиями с севера, а обосновавшимся на берегах Альбиона викингам пришлось забыть былую вольницу и подчиниться строгим нормандским законам. Кельтам и вовсе не за что было благодарить Вильгельма – он хоть и покорил ненавистных саксов, но не мягче обошелся с шотландцами и валлийцами, а его наследники огнем и мечом прошли по Уэльсу и Ирландии. В общем и целом признавая заслуги Завоевателя, ни современники, ни потомки не платили ему искренней привязанностью. Это сказалось и на посмертной судьбе короля. В 1522 году гробница Вильгельма в Кане была вскрыта и изучена; в ней нашли громадного роста скелет и портрет на дереве, с которого была сделана копия сомнительной точности. Дело в том, что живописец XVI столетия изобразил короля с окладистой бородой по тогдашней моде. Однако, скорее всего, Вильгельм по нормандскому обычаю брил бороду и стриг волосы «в скобку». В скором времени гробницы Вильгельма и Матильды были уничтожены гугенотами как «идолы»; уцелевшие жалкие останки сложили в гроб и перезахоронили в другом месте. Еще раз их осквернили во время Французской революции, а в 1961 году смогли, наконец, исследовать с помощью современных методов, но от костей уже почти ничего не осталось. В Англии не уцелели ни корона Вильгельма, ни построенные им сооружения. Остались только письменные свидетельства, из которых лучше всех говорит об отношении англичан к своему монарху мемориальная запись в «Англосаксонской хронике». В ней о Вильгельме говорится, что он «повсюду строил замки и угнетал простых людей», зато «берег оленей и бобров, будто был им родным отцом». Известный хронист в корявых англосаксонских стихах порицал жадность короля: «Стяжательство обуяло его, и деньги возлюбил он превыше всего». После смерти Вильгельма Англия долгие годы не знала мира. Ставший королем Вильгельм II Рыжий в полной мере унаследовал жестокость и корыстолюбие отца, но не обладал его волей и государственным умом. Он снова бросил в тюрьмы всех освобожденных Вильгельмом и заключил еще многих – часто лишь затем, чтобы конфисковать их земли и округлить таким образом королевские владения. Он годами не назначал епископов, а сам тем временем распоряжался церковными доходами. Четыре года после смерти Ланфранка пустовала и кафедра архиепископа, а когда назначенный в 1093 году на эту должность выдающийся философ Ансельм стал обличать грехи короля, Вильгельм, недолго думая, отправил его в изгнание. Решил он завладеть и богатой Нормандией. Сначала вместе с Робертом он отказался выдать Генриху положенные

по завещанию деньги; тот со своей дружиной обосновался на неприступном утесе Мон-Сен-Мишель и оттуда совершал набеги на Англию и Нормандию, пока братья не осадили его укрытие и голодом не вынудили сдаться. Потом братья схлестнулись между собой по вине все того же Одо из Байе – он поссорился с Вильгельмом и вместе с людьми Роберта жестоко разорил Кент. Наконец братья помирились, а честолюбец-епископ навсегда покинул Англию. Вскоре воинственный и склонный к авантюрам Роберт отправился в Крестовый поход, и Вильгельму удалось добиться от него права управлять Нормандией в его отсутствие.

Единственным успехом Вильгельма была победа над Шотландией. В 1093 году он убил в сражении старого Малькольма Кенмора и добился от его сына Дункана принесения оммажа. Но успех оказался относительным: вскоре Дункан был убит и его сменил старый Дональдбан, который не только отказался от оммажа, но и изгнал из страны всех англичан. Шотландский поход был единственным – Вильгельм предпочитал проводить время на пирах в окружении красивых юношей, которые, по словам Вильгельма Малмсберийского, «превосходили изяществом дам». К женскому полу король не проявлял абсолютно никакого интереса, поэтому потомства у него не было, и братья с нетерпением ожидали его смерти. Ждать пришлось недолго: 2 августа 1100 года, охотясь в устроенном его отцом Новом лесу, Вильгельм был сражен стрелой лесничего Уолтера Тиррела. Тот утверждал, что это произошло случайно, а других свидетелей инцидента не было. Многие знали, что Тиррел близок к принцу Генриху, но долго разбирать дело не стали. Вильгельма не любили так сильно, что во многих церквях отказались служить по нем заупокойные мессы.

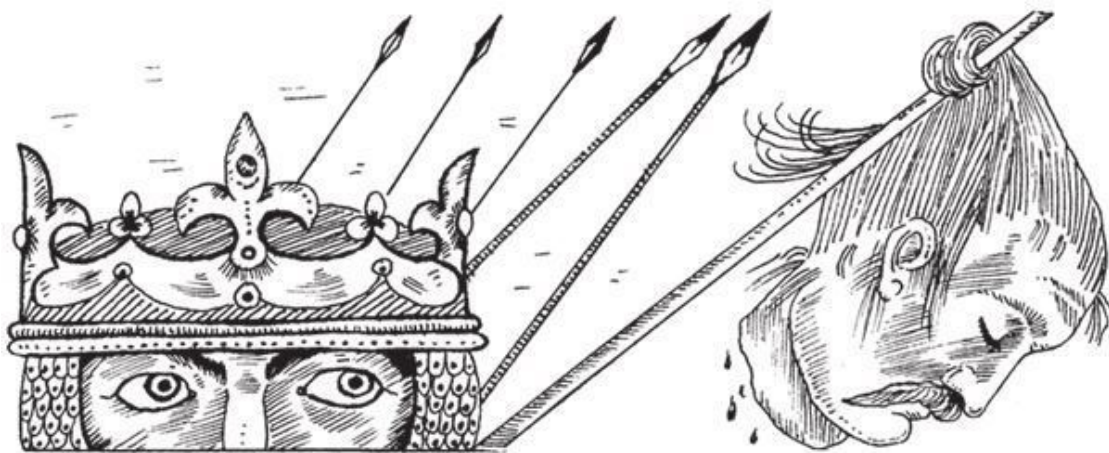
Королем стал Генрих I Боклерк, разумный и осторожный правитель. Он владел как Англией, так и Нормандией; правда, вернувшийся из Крестового похода Роберт попытался предъявить права на свои владения, но в 1106 году Генрих разбил его и заключил в темницу, где тот просидел 28 лет до самой смерти. Как младший сын, которого готовили к возможной духовной карьере, Генрих получил хорошее образование – то есть умел читать и писать, что для короля того времени было не таким уж обычным явлением. Он устроил у себя первую светскую библиотеку со времен короля Альфреда Уэссекского, а также завел в Тауэре первый в Англии зоологический сад. Он также снизил тяжелые налоги, введенные обоими Вильгельмами, и принял закон, который закрепил равенство нормандцев и англосаксов перед законом и судом. Более того – он женился на Эдгите, или Эдит, дочери Малькольма Шотландского и Маргариты, сестры этелинга Эдгара. Этот брак укрепил связи Нормандской династии как с шотландской монархией, так и с покоренным англосаксонским населением.

И в Британии, и на континенте Генрих вел активную политику, действуя как военными, так и дипломатическими средствами. В войне с французским королем Людовиком VI он смог отстоять Нормандию и Мен, а в 1128 году выдал дочь Матильду за графа Анжуйского, явно претендуя в будущем на его обширные владения. Другую дочь он отдал королю Шотландии Александру. В отличие от брата, Генрих был равнодушен к прекрасному полу и имел нескольких незаконных сыновей, которых сделал графами. Его единственным законным отпрыском был Вильгельм, который унаследовал все плохие качества своего дяди. Уже в семнадцать лет он стал законченным пьяницей; в 1120 году, во время плавания через Ла-Манш на так называемом «Белом корабле», принц и его спутники так перепились, что корабль налетел на скалы и затонул со всеми, кто на нем находился.

Потерю сына Генрих переживал очень тяжело и, по сообщениям хронистов, с тех пор ни разу не улыбался. Он женился вторично на Адели, юной дочери графа Лувена, но так и не смог родить наследника. Пришлось завещать престол дочери Матильде, что противоречило принятому у французских королев Салическому закону. В Англии его формально никто не вводил, но нормандские бароны явно не собирались подчиняться женщине. Генриху пришлось взять с них торжественную клятву, что не избавило английскую монархию от грядущих испытаний. Король умер внезапно 2 декабря 1135 года, объевшись накануне

тушеными миногами. На трон сразу же предъявил права молодой Стефан, сын дочери Завоевателя Адели и графа Блуа. Его поддержали недовольные «женским царством» бароны запада Англии; за Матильду вступились жители торговых городов юга и востока. Так началась затяжная гражданская война, которая длилась почти 20 лет и закончилась утверждением в Англии анжуйской династии Плантагенетов.

Объединитель. Генрих II Плантагенет

В 1153 году враждующие партии заключили Вестминстерский договор. По нему Стефан Блуаский должен был править Англией до своей смерти, но потом трон переходил к Генриху, сыну Матильды и анжуйского графа Джефре. Все так устали от многолетней войны, что безропотно приняли эти условия, тем более что Стефан умер уже в следующем году. Теперь королем Англии становился Генрих, который в 21 год уже был герцогом Нормандии, графом Анжу, Мена и Пуату и герцогом Аквитании. Все эти владения достались ему благодаря предкам, которые без устали то мечом, то брачными союзами расширяли границы анжуйских владений. Графов Анжу называли Плантагенетами – Джефре любил носить на шлеме ветку желтого дрока, по-латыни *planta genista*. Имели они и другое прозвище – «дети дьявола». По легенде кто-то из предков Генриха женился на прекрасной фее Мелюзине, которая не могла войти в церковь и раз в неделю превращалась в змею. В конце концов супруг Мелюзины велел затащить ее в церковь силой; тогда она исчезла, прихватив с собой двух из четырех своих сыновей.

Скорее всего, эта легенда была лишь отголоском нелюбви анжуйцев к гордой и властной Мелисанде Иерусалимской, второй жене Фулько – деда Генриха. Она и правда увезла с собой двух сыновей (позже они стали королями Иерусалима), но Джефре не был ее сыном: он родился от Герберги, первой жены Фулько. Как бы то ни было, характер у Генриха, как и у многих Плантагенетов, был поистине дьявольским. Во время частых приступов гнева его обычно невыразительные серые глаза вспыхивали огнем, а в лице, по сообщениям очевидцев, появлялось «нечто львиное». В остальном он мало напоминал короля – невысокий, с бычьей шеей и широкими плечами, с круглым веснушчатым лицом и вечно растрепанными рыжими волосами, которые он коротко стриг из боязни облысеть. От анжуйских предков Генрих унаследовал колоссальную энергию и буйный нрав, а от английского деда Генриха I – склонность к наукам. Со своими природными данными и громадными владениями (их даже называли «анжуйской империей») Генрих вполне мог стать величайшим среди английских королей. Вместо этого он провел свое царствование в вечной бесплодной борьбе: сначала с бывшим другом, архиепископом Томасом Бекетом, потом с собственными сыновьями. Преданный всеми, он умер в одиночестве и остался в памяти англичан как убийца их национального святого.

Не в последнюю очередь это случилось из-за переменчивости и непредсказуемости характера Генриха. Он не боялся ничего, кроме вспышек своей неуправляемой ярости, кото-

рые не раз заставляли его совершать непростительные ошибки. Не мог он сдержать и свою похоть, сделавшую его отцом множества бастардов. Желу Алиенору (или Элеонору) Аквитанскую, отбитую в свое время у короля Франции, Генрих не без основания подозревал в заговорах и неверности и в конце концов заключил в тюрьму. Он умудрился рассориться со всеми сыновьями, с советниками, с монархами всех соседних стран. Невзлюбил его и народ, поначалу принявший анжуйского принца с восторгом, как избавителя от ужасов гражданской войны. Генрих с полным основанием мог сказать: «Постоянны в этой жизни только враги». Он проявлял мало рвения в делах веры и часто подшучивал над церковью и святыми. Святой Бернар Клервоский как-то сказал о нем: «От дьявола он произошел и к дьяволу вернется».

Энергия Генриха была столь неудержима, что мало кто мог поспеть за ним. Он редко сидел и даже за столом то и дело вскакивал, торопливо глотая недожеванные куски. При дворе его не было никакого этикета; он со всеми разговаривал одним языком и, по словам хрониста Вальтера Мапа, «не старался говорить высокопарно или возвышать себя над кем-либо». С грязными руками, весь в крови после охоты или битвы, он садился за стол и жадно ел, одновременно выслушивая доклады и прошения. Он был самым скромно одетым человеком при дворе и презирал пышность, не подходящую воину. Ему дали прозвище «Короткий плащ» (*Courtmantle*), поскольку он вместо подобающей королю длинной мантии носил солдатский плащ, едва доходивший до колен. На поле брани он не имел себе равных, хотя, по свидетельству одного из придворных, «был милостивей к мертвым рыцарям, чем к живым, и более горевал о погибших, чем заботился о выживших». При его дворе почти не было развлечений: король до вечера охотился или объезжал свои имения, а по возвращении устраивал настоящий переполох.

Другой придворный, архидьякон Петр Блуаский, оставил яркое описание жизни при дворе Генриха. Он жаловался, что слуги короля «не знают ни порядка, ни меры, ни резона и в своей еде, и в путешествиях, и в распорядке дня. Капелланы и рыцари едят наскоро испеченный хлеб – полусырой, из поскребков, с сором и плеবেлами. Вино у них то горькое, то кислое, то водянистое, то чересчур густое, то пресное, то отдающее дегтем. Я видел не раз, как даже знатнейшим господам подносили вино столь мутное, что им приходилось зажмурить глаза, стиснуть зубы и с гримасой на лице не столько пить его, сколько хлебать. Эль, который там пьют, ужасен по виду и отвратителен по вкусу. Там покупают для стола старых и больных животных и рыбу четырехдневной давности, ибо слугам нет дела до того, что их злосчастные гости заболеют или умрут; поэтому мы вынуждены набивать живот падалью и становиться могилой для уже разложившихся трупов... Не раз, когда двор покидал какой-либо город, больных придворных оставляли там умирать...

Частые переезды также прибавляют нам мучений, так как, если король пообещал где-либо остаться и даже публично объявил об этом через герольда, можно быть уверенным, что он поднимется на рассвете и обманет все ожидания, внезапно поменяв свои планы. Когда это случается, то даже больным и раненым придворным приходится следовать за их государем без всякого снисхождения к своим недугам и отдаваться на милость случая из боязни потерять то, чего у них и так нет, да и не будет. Тогда можно увидеть мечущихся в беспорядке людей, груженных мулов, спешащих за мулами, и повозки, налетающие на повозки, – видение самого Ада. И наоборот: если государь изъявил намерение отбыть откуда-либо на рассвете, он без сомнения тоже изменит свои планы и проспит до полудня. Тогда его ждут нагруженные повозки, возницы спят на козлах, придворные торговцы в страхе ждут и шепчутся; все толпятся вокруг блудниц и пажей, пытаясь узнать маршрут поездки короля. Ведь обоз короля полон актеров и прачек, игроков, маркитантов, гулящих женщин, шутов, цирюльников, жонглеров и прочих птиц того же полета... Когда же наши путешественники готовы отправиться в долгий путь, король опять меняет планы и велит заночевать в первом попавшемся месте,

где занимает для себя целый дом, куда больше не пускает никого. Я скажу, если только осмелюсь, что он находит живейшее удовольствие в наших муках. Мы тем временем блуждаем по неведомым лесам, порой в полной темноте, и почитаем за счастье, если можем найти какой-нибудь грязный и зловонный хлев. Часто придворные жестоко бьются за эти хижины и обнажают мечи ради лачуги, какой побрезгует даже свинья».

Конечно, придворные не были довольны королем, который заставлял их забыть о сне и отдыхе, о мягких постелях и вкусной еде. Не меньше они страдали от вспышек королевского гнева; иногда он гонялся с мечом за неосторожными советчиками. Как-то один из пажей, Ришар дю Гоме, посмел одобрительно высказаться о короле Шотландии. В ярости король вскочил и убежал в конюшню, где кинулся в копну соломы и начал ее грызть. Несмотря на такие неадекватные поступки, Генрих часто проявлял незаурядный государственный ум и необычную для своего времени широту взглядов. Его учителем был магистр Петр из Сента, «превыше всех современников искусный в стихосложении». Особых успехов в поэзии Генрих, правда, не проявил, зато прекрасно знал историю и законы. В свободное от войны и охоты время он обожал собирать вокруг себя ученых и разговаривать с ними на всевозможные темы, проявляя ненасытное любопытство. Известно, что он понимал едва ли не все языки от Англии до Святой земли, хотя говорил только по-французски и по-латыни – английского Генрих не знал, как и большинство Плантагенетов. Вальтер Мап писал: «Когда руки короля не были заняты луком и стрелами, мечом или поводьями, он заседал в совете или корпел над книгами. Всякий раз, когда ему удавалось выкроить время среди своих забот, он проводил его в уединенном чтении или в обсуждении с учеными какого-либо мудреного вопроса».

О ранних годах Генриха известно очень мало. Он родился 5 марта 1133 года в Ле-Мане и был первым ребенком графа Джефре и «императрицы» – так звали властолюбивую Матильду, которая уже успела побывать замужем за германским императором Генрихом V. Император был на 30 лет старше юной супруги и вскоре оставил ее вдовой, после чего она тут же вышла за своего анжуйского кузена. Джефре, напротив, был на десять лет старше жены, и их первенец Генрих родился только через пять лет после свадьбы. В отличие от Вильгельма, он с самого рождения был законным наследником отца и получил ко многому обязывающее прозвище «сын императрицы». Отца он почти не видел, а мать в 1139 году отправилась в Англию сражаться за корону. Мальчика воспитывал магистр Петр; через три года сводный брат матери, храбрый Роберт Глостерский, увез Генриха в Англию, где некий Матье четыре года обучал его «письму и манерам, приличествующим юноше его положения». Видимо, учение осталось незаконченным, потому что в 1147 году юный принц уже сражался рядом со своим отцом, который тогда завоевывал Нормандию. С тех пор и началась лихорадочная деятельность Генриха, которая не прекращалась 42 года – до самой его смерти. Только Ла-Манш он пересекал двадцать шесть раз – больше, чем любой другой средневековый владыка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.